

Александр
Александрович
ЗИНОВЬЕВ

ЗАПАД

Александр Зиновьев

**Запад. Избранные
сочинения (сборник)**

«Издательство АСТ»

2008

Зиновьев А. А.

Запад. Избранные сочинения (сборник) / А. А. Зиновьев —
«Издательство АСТ», 2008

Эту книгу с полным правом можно назвать введением в теорию современного западного общества (ее развитием стали труды «Глобальный человек», «На пути к сверхобществу», «Логическая социология»). Исследование представляет собой применение разработанной автором книги логики и методологии социальной науки к исследованию феномена, который он характеризует как западнизм. Этим термином А.А. Зиновьев (1922–2006) обозначает не совокупность определенных стран, которые принято называть западными, а тот социальный строй, который сложился в них во второй половине XX века. В работе дана как «фотография» западнизма (его описание в деталях, подробностях, данных на эмпирическом уровне), так и его «рентгеновский снимок» (выявление внутренней структуры, механизмов функционирования, законов развития). Автор показывает, что, поскольку реальный коммунизм, олицетворявшийся Советским Союзом, сошел с исторической арены, инициируемое Западом превращение других стран в его подобие по социальному и политическому строю, экономике, менталитету, культуре имеет шансы реализоваться в глобальном масштабе. В настоящий том вошли книги «Запад (Феномен западнизма)» (1993) и «Великий эволюционный перелом» (1999). Издание адресовано широкому кругу читателей.

© Зиновьев А. А., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Человек мира – человек эпохи	5
Запад (Феномен западнизма)	24
Предисловие к русскому изданию	24
Неожиданное предложение	25
Знать и понимать	27
Запад	30
Уникальность Запада	31
Западная идентификация	33
Западное общество	34
Феномен западнизма	35
Запад и западноевропейская цивилизация	36
Предыстория и история западнизма	38
Основные источники и аспекты западнизма	40
Деловой аспект	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

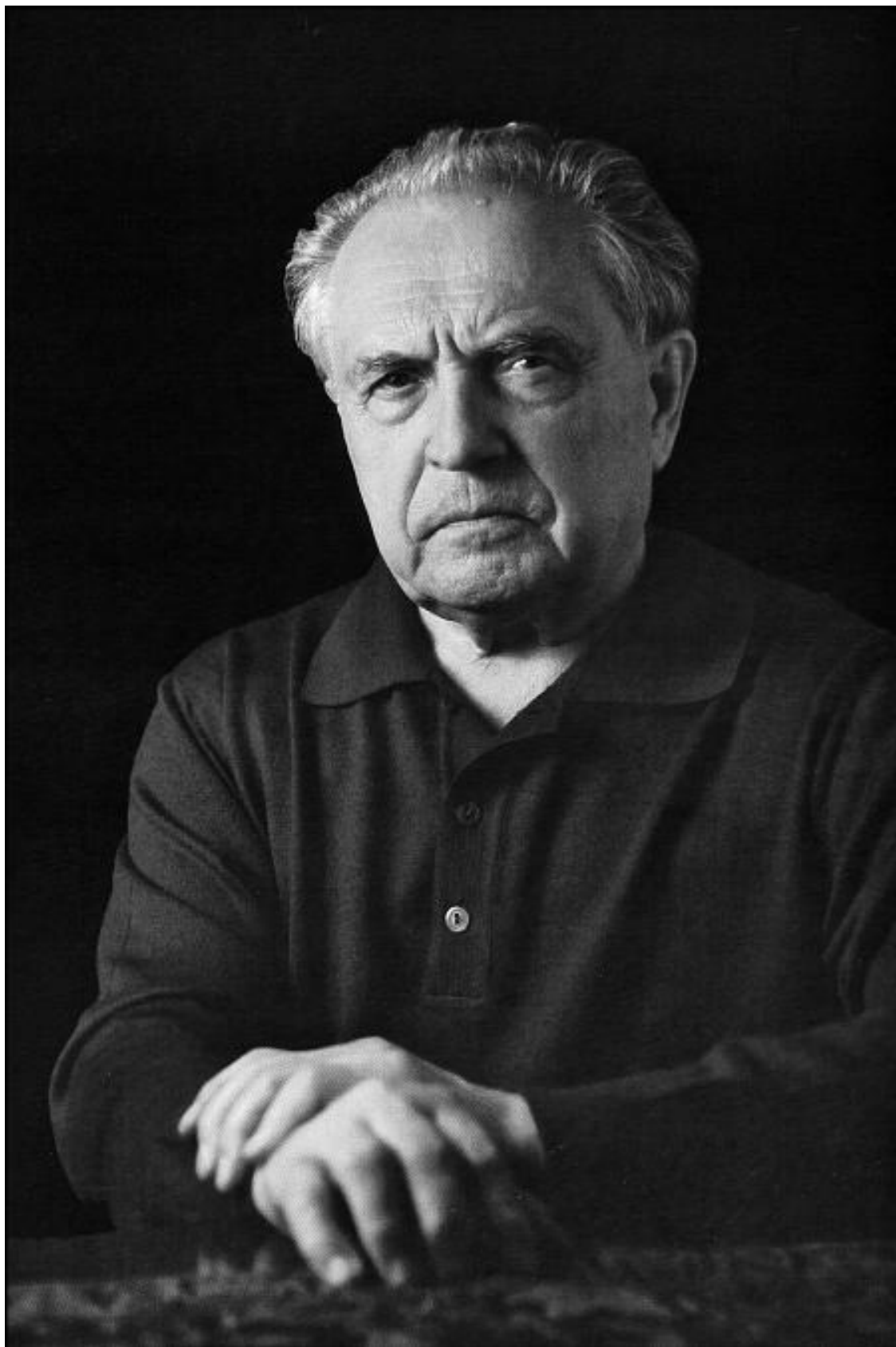
Александр Александрович Зиновьев

Запад. Избранные сочинения

Человек мира – человек эпохи

То общество, в котором я появился на свет и жил, было дано мне независимо от моей воли и желания. Я его не создавал и никогда не ставил задачу его разрушить. Я с ним считался как с исторической данностью. Я не был его поклонником, но и не был его противником. Мое отношение к нему было иного рода – я стремился к истине!

А.А. Зиновьев

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 г. в многодетной крестьянской семье в глухой российской деревушке Пахтино Костромской области. Окончив начальную сельскую школу, он вместе с отцом перебрался в Москву, где в 1939 г., завершив среднее образование, поступил в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Но проучился

он там не долго: вскоре его исключили из института без права поступления в другие вузы страны за выступления против Сталина, а затем и арестовали. В камере на Лубянке вчерашний школьник и студент, взбунтовавшийся против окружавшей его несправедливости, принял решение – если останется жив – провести собственный эксперимент по построению суверенного государства из одного человека (что много лет спустя вылилось в чеканную формулу: «Я сам себе государство») и поклялся не строить иллюзий об окружающем мире, стать настоящим, бесстрашным исследователем законов социальной организации или, выражаясь его собственными словами, «машиной для понимания реальности».

Почти чудом Зиновьеву удалось бежать из заключения. Около года скрывался он от органов НКВД, и неизвестно чем кончилось бы дело, если бы в 1940 г. он – фактически добровольно – не ушел служить в армию. Великую Отечественную войну Зиновьев прошел от первого до последнего дня. В 1941 г. его часть попала в окружение, но некоторым бойцам и командирам, в том числе Зиновьеву, удалось вырваться из него. С начала войны он служил в кавалерии, затем – недолго – в танковых войсках, а в 1942 г. он как человек, имеющий среднее образование, был направлен в штурмовую авиацию. Пожалуй, ни в каких других частях потери не были такими большими, как здесь. Но, перефразируя слова поэта, судьба Зиновьева хранила. Войну он закончил в Берлине.

В 1946 г. Зиновьев поступил на философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. После его окончания он успешно сдал экзамены в аспирантуру факультета. Уже на студенческой скамье, а особенно в аспирантуре проявилось такое его качество, как следование известному принципу Декарта: «Подвергай все сомнению». Какую бы сферу действительности ни делал Зиновьев предметом своих исследований, он ничего не принимал на веру. Критический анализ он распространял на способы постижения мира, освященные тысячелетиями. В том числе на философию.

По словам Герберта Маркузе, авторитетного знатока учения Гегеля и Маркса, даже ранние сочинения Маркса не являются, в сущности, философскими. В них содержится отрицание философии, хотя и выраженное философским языком. То же самое – с известными оговорками – можно сказать и о Зиновьеве. Даже ранние сочинения Александра Зиновьева не являются философскими (с ортодоксально-марксистской точки зрения, причем следует напомнить читателю, что почти до самой середины 1950-х гг. самым ортодоксальным марксизмом считался сталинизм). В них содержится отрицание марксистско-ленинской философии, критический взгляд на работы современных философов, включая преподавателей философского факультета МГУ.

Но еще более глубокими и острыми, порой язвительными, были его устные критические эскапады, звучавшие во время перерывов между лекциями и семинарами, после них, во время разного рода, как теперь говорят, тусовок. Этот первый изустный, сократический период творчества Александра Зиновьева его сокурсник Карл Кантор назвал «философским сатирикеном». Зиновьев был неистощим на шутки, выпады по адресу философии диалектического и исторического материализма, его творцов, продолжателей и охранителей. Послушать его импровизированные коридорные мини-лекции сбегались студенты и аспиранты всех курсов, а иногда и преподаватели.

Зиновьев мало что мог почерпнуть у профессоров и преподавателей философского факультета. Еще до войны он успел изучить Канта, критически освоить диалектику Гегеля и Маркса. В итоге он, как и Маркс, поставил целью создание подлинной научной социальной теории, однако, при этом не отбросил целиком философию, а трансформировал ее в оригинальную социальную философию¹.

¹ Кантор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

Другой поворотный пункт в его интеллектуальной эволюции – разрыв с метафизикой, которая на протяжении веков считалась сердцевинной философией. В центр его научного творчества встала логика в самых различных ее ипостасях: традиционная, диалектическая, математическая, включая многозначную логику². Проблемы логики и методологии науки захватили его – он всегда целиком и со страстью отдавался делу, которое считал на данный момент принципиально важным. К моменту выхода «Зияющих высот» стаж его профессиональной работы в логике составлял почти четверть века.

При всей увлеченности логикой она не была для Зиновьева самоцелью. Вспоминая этот период, Зиновьев говорил, что занялся логикой, поскольку, погрузившись в изучение советского общества, социальной организации человеческого бытия в целом, пришел к выводу, что современная наука не располагает надежными познавательными инструментами социальных исследований. Вот почему создание научной социальной теории должно было, по мнению Зиновьева, начаться с создания логики и методологии социального познания, отвечающей критериям научности.

В фокус научных интересов Александра Зиновьева прочно попадает советское общество, которое формировалось на его глазах. Уже в юношеские годы он понял, что реальное советское общество имело мало общего с тем, как его изображали в советской идеологии и официальной науке. Познать, каким оно является в действительности, стало целью его жизни. Зиновьев в полной мере отдавал себе отчет в том, что подлинно научное исследование и правдивое, объективное описание реального социального строя Советского Союза было исключено практически. И потому занимался этими исследованиями «как партизан», нелегально, скрывая их направленность и масштабы даже от близких друзей и сохраняя результаты своих размышлений в памяти. Ему в этом отношении повезло: природа наградила его феноменальной памятью.

Еще студентом Зиновьев создал собственную логическую концепцию, вовлек в свои занятия логикой и методологией способных студентов философского факультета МГУ. Среди них были такие незаурядные личности, выросшие впоследствии в крупных ученых, как Борис Грушин, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий.

Сторонники учения К. Маркса и Ф. Энгельса в России утверждали, что марксизм есть философия. При этом они не могли указать ни одного философского сочинения Маркса, кроме ранних «Философско-экономических рукописей», написанных еще до «Манифеста Коммунистической партии», и трех философских произведений Энгельса: «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Анти-Дюринг», «Диалектика природы».

Маркс и Энгельс не повинны в том, что их возвели в ранг классиков философии. Это сделал В.И. Ленин, провозгласивший их учение высшей ступенью развития философии. Догматическую форму их воззрения обрели в главе «О диалектическом и историческом материализме» в учебнике «Краткий курс истории ВКП (б)» (написанной самим Сталиным). С тех пор книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была объявлена вершиной мировой философской мысли, а философское сочинение Сталина – победным флагом, водруженным на философской вершине. Социальный престиж философии при Сталине был очень высок, потому что марксистско-ленинская философия была определяющей и необходимой частью сталинской идеологии.

Первые результаты логических исследований Александра Зиновьева составили ядро его кандидатской диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному в “Капитале” К. Маркса». Она оказалась своего рода интеллектуальной «бомбой», которая «рванула» в ходе защиты диссертации, состоявшейся в 1954 г. на философском факультете МГУ. Защита стала событием не только в жизни факультета. Зал ученого совета, где проходила защита, не вмещал всех желающих. Многие приехали из других городов.

² Там же.

Сегодня можно только удивляться и гадать, почему члены ученого совета не осознали в полной мере, что диссертация А.А. Зиновьева по существу была направлена против упрощенной сталинской трактовки философии, против сталинизма как идеологии. Вместе с тем инстинктивно они чувствовали: работа «идейно чуждая». И только потому, что философский синедрион интеллектуально не соответствовал предмету исследования Александра Зиновьева, его не посадили. Зато с первой попытки диссертация не прошла. Ее пришлось защищать дважды: еще раз на ученом совете факультета, а затем в ВАКе. В конце концов, степень кандидата философских наук Зиновьеву была присвоена.

Перипетии, связанные с защитой, Зиновьев и его соратники восприняли как свою победу. Отклоняли диссертацию вяло, через силу, неубедительно. Дискуссия же была обстоятельной, длительной, острой, непримиримой и победной для Зиновьева³.

Александр Зиновьев первым не только в советской, но и в мировой философии представил диалектику как систему логических операций. Он открыл, а точнее говоря, создал тот последовательный ряд процедур, через которые проходит процесс познания. Академическая его карьера складывалась удачно. В 1955 г. он становится научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, где проработал больше двадцати лет (до 1976 г.). В 1960 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Философские проблемы многозначной логики», вскоре получил звание профессора, стал заведующим кафедрой логики философского факультета МГУ. Он много и плодотворно работает в области логики и методологии науки. Результаты его логических исследований отражены в следующих книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы научной теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1972), «Логическая физика» (1972)⁴.

В созданной им науке о логическом интеллекте, которую он назвал «интеллектологией», А.А. Зиновьев соединил собственно логику (учение о мышлении) с онтологией (учением о бытии) и гносеологией (учением о познании). Его вкладом в философию является логическое обоснование истинности философии, продуктивности ее методов. Зиновьев ставит логику впереди философии. Эту новацию можно считать переворотом в понимании соотношения философии и логики, в котором логика в прямом и переносном смысле превращается в царицу знаний. Зиновьев вернул логике престиж первичной дисциплины, обязательной пропедевтики *per se*⁵. Но такое положение логики требует глубинного, то есть философского, обоснования. В связи с этим Зиновьев выдвигает два положения.

Первое положение: логика – наука не о мышлении, а о языке. Но это не изучение языка как такового, каким он существует в повседневной жизни и практике. Логика выполняет особую работу в сфере языка, которая состоит в выявлении специальных элементов языка, их обработке, совершенствовании, в изобретении новых элементов, а также разработке особых правил оперирования ими. Цель логики – конструирование таких правил оперирования языком, которые позволяют осуществлять познавательную деятельность, понимаемую как получение истинных знаний. Логика не находит эти правила существующими в готовом виде в языковой практике, независимо от того, изучают их или нет. Она изобретает их и вносит в языковую практику.

Второе положение: то, что операции с языковыми структурами, т. е. со знаками, которые материальны по своей природе, позволяют получать истинное знание, возможно потому, что сама познавательная деятельность материальна. Принимая эту установку, Зиновьев заявляет о

³ См.: Кантор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

⁴ См.: Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии (<http://probib.narod.ru/social/naputis.html>).

⁵ Кантор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

себе как материалисте, но не в том значении этого термина, которое официальная советская философия приписывает воззрениям Маркса, а в собственном, зиновьевском значении. Его взгляды – абсолютный философский материализм.

Материалистический подход А.А. Зиновьева к общепринятому толкованию сознания не может не возмущать не только идеалистов, но и материалистов. До сих пор, замечает он, «живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной)»⁶. На самом деле, полагает Зиновьев, сознание людей – явление столь же материальное, как прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует, сознание есть состояние и деятельность мозга человека, связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояние клеток мозга и комплексе вполне материальных знаков. Вот почему, считает Зиновьев, «рассматривать человеческое сознание как особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной, есть дань невежеству и идеалистической философии»⁷.

Логика как критерий истинности основополагающих философских понятий проста и доступна. Зиновьев продемонстрировал это на примере определения понятия материи: «Все известные мне философские онтологические учения, включая диалектический материализм, не истинны и не ложны, поскольку фигурирующие в них языковые выражения не определены в соответствии с правилами логики. Они просто бессмысленны. Возьмем слово “материя”. Общеизвестно определение материи, приписываемое Ленину и считавшееся вершиной философской премудрости. Вот оно: материя есть объективная реальность, существующая вне нас, независимо от нас и данная нам в ощущениях. В определяющую часть входит выражение “объективная реальность” (родовой термин) и “данное нам в ощущениях” (видовой термин). А что такое объективная реальность? Этот термин также сложен для определения, как и термин материя. Одна неясность заменяется другой, и создается иллюзия понимания»⁸.

Настаивая на приоритете логики в делах познания, Зиновьев подчеркивает: «Диалектический подход к явлениям бытия не означает, будто при этом теряют силы законы логики»⁹. Он исходит из того, что «логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, устанавливает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критерию научности»¹⁰. Провозглашая, что диалектика поглощается логической методологией, Зиновьев вместе с тем выступает как страж диалектики. Достоинно уважения его признание: «Я считаю своим долгом, однако, упоминать о диалектике, поскольку она была и является реальным фактором человеческого интеллекта»¹¹.

Казалось бы, в этой связи он воздаст должное своим учителям диалектики Гегелю и Марксу, на деле же он скорее развенчивает их: «Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-нибудь другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими. Перечисление их – заслуга Сталина, что и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее, но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями»¹². Эту задачу в значительной мере

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 122–123.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 91–92.

¹¹ Там же. С. 151–152.

¹² Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 165.

выполнил Зиновьев, «расшифровав» логику “Капитала” на примере диалектики восхождения от абстрактного к конкретному¹³.

Нельзя не видеть, что, на словах откровенно от Маркса, его взглядов, многие социологи и сегодня продолжают пробавляться крохами его мыслей об устройстве общественной жизни, потому что ничего больше за душой у них нет. Но являются ли научными сами философские и социологические взгляды Маркса? Зиновьев воздаст должное мыслителю. По его словам, Маркс – один из самых выдающихся умов в истории человечества. Вместе с тем Зиновьев не считает, что Марксу удалось разработать научную социальную теорию: он «создал, в общем и целом, величайшую в истории нерелигиозную идеологию, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден, что создал именно таковое»¹⁴.

Характеризуя учение Маркса как идеологию, Зиновьев тем самым отнюдь не принижает значения его трудов. Просто идеология – это продукт интеллектуальной деятельности, имеющей качественно иную – по сравнению с наукой – природу. Он полагает, что «именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и социальной эволюции на идеологический»¹⁵. В то же время для консолидации, устойчивого функционирования, даже самого существования общества, утверждает Александр Зиновьев, идеология не менее важна, чем наука, а в иные периоды более важна, чем наука¹⁶. И если говорить о возрождении страны, то, по мнению Зиновьева, систему власти в стране можно привести в порядок в течение нескольких месяцев, экономику – в течение нескольких лет, а вот выработка идеологии потребует нескольких десятилетий, что подчеркивает ее основополагающее значение для государства.

Логические исследования Зиновьева послужили методологической опорой начатой им грандиозной работы по возведению здания социальной теории, в полной мере отвечающей требованиям науки. Воплощением такой теории явилась созданная им логическая социология.

Эта теория опирается на определенные онтологические предпосылки, касающиеся природы объектов, с которыми имеет дело социология. Зиновьев исходит из того, что социальные объекты относятся к категории эмпирических, то есть ощущаемых, воспринимаемых, наблюдаемых с помощью органов чувств. Они локализованы в пространстве и времени, возникают, исчезают, меняются и т. д.¹⁷ Словом, социальные объекты – это своего рода вещи.

Зиновьев выделяет типы социальных объектов: социальный атом – человек, человеческие объединения, социальные объединения – сознательные объединения людей для совместных сознательных действий. Сложные социальные объекты суть комбинации социальных «атомов», воспроизводящие основные черты этих «атомов»¹⁸.

Внимание логической социологии концентрируется на социальных объектах особого рода, которые Зиновьев называет «человеиником». Этот термин введен им как экспликация, то есть уточнение, терминов «общность», «общество», которые, как известно, не отличаются ясностью и однозначностью вкладываемого в них смысла. Материалом, из которого состоит человекиник, являются люди и все то, что создается и используется ими для существования: орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения и прочее. В логической социологии материал человекиника принимается как данность. Ее внимание сосредоточено на организации материала, то есть на способах, формах, типах социальной органи-

¹³ Каптор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

¹⁴ Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 171–172.

¹⁵ Там же. С. 173.

¹⁶ См.: Каптор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

¹⁷ См.: Зиновьев А.А. Логическая социология (<http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf>).

¹⁸ См.: Там же.

зации людей как социальных атомов. В этом смысле логическая социология есть теория социальной организации человеичников.

Следует отметить, что, проверяя логикой социологию, вообще любую теорию, претендующую на научность, Александр Зиновьев был далек от того, чтобы быть в этом вопросе пуристом. Он в полной мере сознавал, что реальное познание не всегда укладывается в каноны, предписываемые логикой, что в иных случаях для прояснения предмета исследования, лучшего понимания смыслов используемых терминов, приходится прибегать к средствам, приемам познания, не отвечающих требованиям логической строгости.

«Человеичник» – это не только понятие, но и образ, основанный на таком художественном приеме, как метафора. Использование такого, не научного приема, помогает получить начальное представление о предмете исследования, базирующееся на вполне определенных ассоциациях, рождаемых соединением слов «человек» и «муравейник». Задача исследователя в том, чтобы трансформировать образное представление в ясное понятие, сформулировать его логически строгую дефиницию. Зиновьев решает ее, выделяя необходимые и достаточные признаки, которые в совокупности характеризуют человеичник в качестве объединения, рождающего человеческую форму бытия.

Одна из ключевых методологических проблем социального познания – сама его возможность как познания объективного. Известно, что споры вокруг этого идут до сих пор.

Немало ученых, которые связывают объективность социального познания с применением в нем количественных методов. При таком подходе подлинно объективной и, следовательно, научной оказывается прикладная, конкретная социология.

Александр Зиновьев невысоко оценивал эвристическую значимость и информативность таких построений. Прежде всего потому, что эмпирические данные, собранные и обработанные посредством определенных технических (математических) теорий, либо давали довольно банальные выводы, либо вызывали сомнение в качестве основы для серьезных обобщений. Для таких обобщений требуется соответствующая теория, которую невозможно построить в рамках эмпирической социологии. Ибо она должна содержать термины и высказывания (положения), которые не сводимы (не редуцируемы) к терминам и положениям эмпирической социологии.

Методы эмпирической социологии, считает Зиновьев, в принципе не годятся для описания структуры человеческих объединений, выявления законов функционирования и развития социальных систем, их институтов, таких, например, как общество, государство, власть, как классы, социальные группы, партии и прочее. Зато применяемые в эмпирических социальных исследованиях методы нередко с успехом используются как средства манипулирования сознанием людей.

Преклонение конкретной социологии перед «цифирью» Зиновьев назвал «террором эмпиризма». «Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством достижения ее сокрытия»¹⁹. Это замечание А. Зиновьева сохраняет свою актуальность до сих пор.

Другая проблема, рождающая сомнение в принципиальной возможности построения социальной теории, которая бы являлась объективной в том смысле, в каком мы говорим об объективности естественнонаучных теорий, заключается в изначальной детерминации исследователя его ценностной ориентацией, культурой, к которой он принадлежит, групповыми интересами и т. п. Марксизм, утверждающий, что истинное социальное знание есть привилегия передового класса, номотетические и идиографические методы, понимающая социология, культурно-цивилизационная социология, герменевтика, концепция идеального типа Макса Вебера, постмодернизм с его концепциями языковых игр и нарратива – все эти течения и

¹⁹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 169.

школы фактически отказывают социальному познанию в объективности в научном значении этого термина.

В отличие от них Александр Зиновьев исходит из того, что объективное социальное познание возможно. Он считает, что в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траекторию поведения индивида в человеческой среде, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это позиция аутсайдера, человека, который сознательно «очистил» свое сознание от доминирующих ценностей, господствующих целевых установок, отказался от жизни по правилам, навязываемым обществом. Это то, что в «Зияющих высотах» Зиновьев охарактеризовал как неучастие в борьбе²⁰.

Далее, сама общественная жизнь содержит моменты, которые требуют объективных знаний. В результате чего производство истинных знаний об обществе выступает как условие самосохранения общества. Естественно, в ходе познавательной работы, наряду с истинными знаниями, производится огромное количество ложных знаний. Но важно то, что истинные социальные знания тоже производятся²¹.

Объективность социального познания обеспечивается также применением специальных инструментов социального познания, отвечающих требованиям логики. Они «работают» в социальной сфере, поскольку имеется принципиальная возможность применять их по отношению к истинным знаниям.

Немаловажное значение имеет также изживание того, что вслед за Ф. Бэконом, можно назвать «идолами», искажающими познание. Основных «идолов» социального познания, согласно Зиновьеву, два: смешение идеологии и социальной теории; тенденциозность, субъективизм в социальных науках.

Фундаментальным положением логической социологии Александра Зиновьева является постулат, согласно которому законы образования сложных объединений, как и вообще социальные законы, универсальны. Это значит, что данные законы действуют всегда и везде, где имеют место соответствующие им определенные условия. Например, фундаментальный закон дифференциации объединения на тех, кто выполняет функции управляющего органа (мозга, сознания) и тех, кто выполняет функцию управляемого тела, имеет силу и в отношении объединений, состоящих из нескольких человек, и в отношении объединений сотен миллионов²².

Социальные объединения сохраняются и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Но это не значит, что эта деятельность носит произвольный характер. Существуют определенные объективные законы, с которыми люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности. Эти законы объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет. И что бы люди ни предпринимали, они не в силах отменить эти законы.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Могут, и часто делают это. Но сами законы от этого не перестают существовать²³. Например, чтобы сложное объединение, скажем, страна, могла существовать как единое целое в течение длительного времени, нужно, чтобы ее органы управления постоянно пополнялись людьми, способными успешно выполнять управленческие функции. Это выполняется далеко не всегда. Но оттого, что закон нарушается, он не перестает быть законом. Его нарушение в течение длительного времени всегда приводило к распаду страны. И это есть неопровержимое доказательство объективности данного закона, невозможности его отмены.

²⁰ См.: Гусейнов А.А. Введение (<http://onby.ru/gkopylovsansan/1/a43f/>).

²¹ См.: Копылов Г. Теории и практики Александра Александровича Зиновьева (<http://onby.ru/gkopylovsansan/1/15/>).

²² См.: Зиновьев А.А. Логическая социология (<http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf>).

²³ См.: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу (<http://www.situation-rus.narod.ru/lib/zin-svo/zin1.html>).

Стоит, однако, задуматься, не прав ли А. Зиновьев, полагая, что и природные и социальные законы, которые определенным образом связывают между собой эмпирические явления, тоже материальны, хотя наблюдать их невозможно – для обнаружения их нужны особые познавательные операции. Материальные объективные универсальные законы – вот истинные тираны человечества, от которых оно не избавится никогда, ни при каких обстоятельствах. Отсюда следует пессимистический вывод: «В мире никогда не было, нет и не будет общества всеобщего благоденствия – не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия»²⁴.

Отчасти этот вывод перечеркивает всю активную, критическую и созидательную деятельность Зиновьева как революционера в науке и общественной жизни. Ведь мало о ком с такой же определенностью, как о Зиновьеве, можно сказать: «Его сознание – воплощение воли, упорства, пытливости, пронизательности, проектности, фантазии, способности противостоять общепринятому». Ведь в горчайшем выводе А. Зиновьева отрицается не только наукообразная коммунистическая утопия Маркса, но и Октябрьская революция, вообще все революции – и социальные, и научные и технические.

В чем же дело? Что произошло с мыслителем? А произошло то, что происходит с каждым великим деятелем. Он «перешагивает через самого себя», – как говорил Маяковский, – когда он вступает в новый этап своего творчества. Если он почувствует необходимость, он готов отказаться от самого себя. Посредственностям это не дано.

В отличие от профессионалов, отечественных и зарубежных, А. Зиновьев сосредоточил свое исследовательское внимание на вечных основах человеческого существования, так как именно «основы» и есть истинный предмет его логической социологии. Сам автор избегает отождествлять логическую социологию с социальной философией, но по существу его логическая социология есть социология в расхожем представлении о ее предмете и назначении и социальная философия в наиболее возвышенном и утонченном ее варианте.

Едва ли не самым интересным и ценным требованием к новой социологической теории, которое выдвигает ее создатель, состоит в том, чтобы «логическая социология была наукой не описательной, а изобретательной»²⁵. Аналогом логической социологии в искусстве является творчество художественного авангарда начала XX вв. – творчество Пикассо, Клея, Магритта, Аполлинера, Кафки, Шёнберга на Западе, Филонова, Татлина, Маяковского, Хлебникова, Платонова, Шостаковича в России. Искусство всех их не изобразительное, не описательное, а изобретательное.

Помимо изобретательства к методам логической социологии относится метод мысленного эксперимента, блистательно примененный Марксом в «Капитале». Надо сказать, что А. Зиновьев мастерски владел этим методом.

Философия с тех пор, как она существует, самоопределялась не только как квинтэссенция мышления, но и как двигатель истории, фактор прогресса человечества. Но в социокультуре России традиционно преобладало негативное отношение к прогрессу как якобы основному атрибуту истории²⁶.

Зиновьев унаследовал эту позицию. Логическая история в той мере, в какой она выступает как любомудрие, выступает у него как философия социума, когда-то и как-то возникшего и с тех пор не претерпевшего существенных перемен: «Не изучение конкретной истории дает ключ к надежному пониманию социального объекта, а наоборот, изучение сложившегося объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса, его формиро-

²⁴ Каитор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия.

²⁵ Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 176.

²⁶ Каитор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

ванию»²⁷. Далее он говорит, что логическая социология «ориентируется на изучение и логическое описание лишь того, что можно наблюдать в настоящем, современности; ее задачи – теоретическое осмысление результатов наблюдения существующей реальности»²⁸.

Опираясь на базовые идеи будущей логической социологии, Зиновьев уже в начале 70-х годов разработал основы своей теории советского общества как общества коммунистического типа.

В это же время у него назревает острый конфликт как с властью, так и коллегами по профессии. Его непохожесть в научных и политических взглядах, внутренняя независимость, самостоятельность, нежелание подлаживаться под кого-либо создали ему репутацию «внутреннего эмигранта», что само было вполне достаточным поводом для постоянного отказа ему в поездках за рубеж на международные научные конференции, симпозиумы, чтение лекций. Показывая гостям карту мира с непонятными значками, Зиновьев, шутя, называл ее «картой непоездок». Через некоторое время последовало его освобождение от заведования кафедрой логики на философском факультете в МГУ.

Зиновьев оказывается в идейной, психологической и творческой изоляции. Вместе с тем к нему, к его творчеству все больший интерес проявляет Запад. Переводятся его логические сочинения, поступают приглашения на научные форумы и на постоянную работу. В период 1971–1973 гг. Александр Александрович написал целый ряд публицистических статей, которые были опубликованы в Польше и Чехословакии, – эти страны тогда играли роль посредников между Россией и Западом. В эти же годы он часто выступал с лекциями на самые различные темы, и лекции имели ошеломительный успех.

Вследствие освобождения от заведования кафедрой, потери всех аспирантов и студентов, вынужденного сокращения лекций и освобождения от ряда обязанностей на работе у Зиновьева появилось свободное время, которое он мог безраздельно посвятить творческой деятельности, выходящей за рамки привычной профессиональной работы.

Вот таким образом сложились предпосылки для того, чтобы Зиновьев начал писать книгу, посвященную социальным проблемам, советскому обществу. Мысль о такой книге, как «Зияющие высоты», у него появлялась не раз и до этого. Теперь же эти условия были налицо, а потребность высказаться подмяла под себя все остальные соображения и отmelda всякие сомнения. У него и название было для задуманной книги: «Зияющие высоты». Название, ставшее после публикации книги нарицательным, он образовал из выражения «сияющие высоты», к которым нас, советских людей, неутомимо призывали вожди-руководители²⁹.

1974-й – год написания Александром Зиновьевым «Зияющих высот». Книга захватила его целиком и полностью. «Одержимость и опаленность дыхания – вот, пожалуй, наиболее точное определение тому состоянию, в котором мы находились тогда», – так охарактеризовала работу над книгой супруга А.А. Зиновьева Ольга. Зиновьев переживал работу над этой книгой так, как будто это был его последний боевой вылет на штурм важнейшего объекта противника³⁰.

Одновременно все явственнее давало себя знать пристальное внимание к Зиновьеву со стороны органов государственной безопасности. В самом начале, когда Зиновьев только начал писать «Зияющие высоты», он зачитал несколько отрывков близкому другу. «К сожалению, – рассказывает Ольга Мироновна, – его импульс был ошибочен: “друг” оказался гражданином с безотказным советским чутьем на “запретное”. Он поспешил информировать соответствующую организацию о том, что Зиновьев сочиняет “разоблачительную книгу”.

²⁷ Зиновьев А.А. Фактор понимания. С. 181.

²⁸ Там же. С. 182.

²⁹ См.: Зиновьева О.М. Трудный путь к «Зияющим высотам» (<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/01/401/71.html>).

³⁰ Зиновьева О.М. Начало. К 80-летию Александра Александровича Зиновьева // Наш современник. 2002, № 10 (<http://www.socialdesign.ru/zinoviev/about02-1.html>).

Единственным и бескомпромиссным спасением была скорость. Надо было во что бы то ни стало опередить пресекающие меры органов. В общей сложности Зиновьев на написание книги потратил около полугода.

Условия, в которых писались «Зияющие высоты», в значительной мере определили форму книги. От начала до последней точки не могло быть уверенности, что удастся написать большую книгу: ведь процесс создания мог быть прерван в любую минуту. Каждый фрагмент писался так, что, случись нечто непредвиденное, он смог бы стать последним. Потому книга получилась как сборник из нескольких самостоятельных книг, куда входили короткие произведения»³¹.

Зиновьев писал сразу, без исправлений, как есть, как изливалось и выросло в объемный поток первого романа XXI века, – так назвала его восторженная пресса тридцать лет назад. Вся редакторская, критическая, корректорская работа выпала на долю супруги Ольги³².

Своим творчеством Зиновьев создал новый жанр социологического романа (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние, в свою очередь, применяются как средства науки. Следует заметить, что глубокие писатели всегда тяготели к серьезной социальной теории. И тогда, когда ее не находили в готовом виде, они пытались сами восполнить этот пробел, чтобы создать полноценные произведения. А.А. Зиновьев органически соединяет одно с другим, его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удается, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально-личностный аспект жизнедеятельности, а с другой, изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учетом их глубокой социальной обусловленности. Социологический роман – явление культуры, требующее специального изучения³³.

Социологический роман Александра Зиновьева отличается от обычного романа как по содержанию, так и по изобразительным средствам. Литературными персонажами в нем становятся социальные объекты, определяемые социологическими понятиями, и объективные социальные законы. Люди в нем фигурируют лишь как представители различных социальных категорий, как носители социальных закономерностей и материал их функционирования. С другой стороны, традиционно литературные средства (образы, метафоры, стихи, новеллы, анекдоты, фельетоны) становятся средствами выражения научных социологических понятий, утверждений, теорий и гипотез. Сам автор назвал такое использование разнообразных литературных средств синтетическим литературным методом.

Необходимо отметить еще одну характерную черту литературного метода Зиновьева – спокойное, даже холодное (беспристрастное) изложение идей, как-то незаметно превращающееся в бичующую сатиру³⁴. Романы Зиновьева напоминают мозаику из небольших, замкнутых по смыслу текстов – советских анекдотов, диалогов представителей разных специальностей и социальных позиций, случаев из жизни, рассуждений, а также стихов, куплетов и т. д. Заслоняемый диалогами и размышлениями персонажей сюжет угадывается с трудом. У обобщенных героев отсутствуют имена и описания внешности, они обозначаются как Клеветник, Мыслитель, Социолог, Шизофреник, Западник, Болтун, Патриот, Паникер, Мазила, Директор, Хозяин и т. д. Зиновьев считал, что, поскольку его цель не художественное отображение, а

³¹ Зиновьева О.М. Александр Зиновьев: Творческий экстаз. «Феномен Зиновьева: 80». М: Современные тетради, 2002.

³² См.: Зиновьева О.М. Трудный путь к «Зияющим высотам».

³³ См.: Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии (<http://guseinov.ru/publ/zinov2.html>).

³⁴ См.: Зиновьева О.М. Начало. К 80-летию Александра Александровича Зиновьева.

строгая и последовательная аналитика, вполне достаточно раскрыть интеллектуальную позицию героев, не отвлекаясь на такие незначительные детали, как имена, внешность.

Произведения А.А. Зиновьева давали срез умонастроений советской интеллигенции периода «развитого социализма». Его персонажи ведут бесконечные диалоги на всякого рода идеологические и экзистенциальные темы – дают определения и уточняют понятия, сравнивают их реальное и мифологизированное советское значение, пытаются разобраться в сути происходящего и поставить обществу «окончательный диагноз»³⁵.

Когда Александр Зиновьев начал писать «Зияющие высоты», в мире уже были широко известны книги А.И. Солженицына, десятков других советских и западных авторов, разоблачавших сталинский период. Писать очередную разоблачительную книгу в духе сочинений этого потока было бессмысленно, тем более, что Зиновьев никогда не ходил дорогами, уже протоптанными другими, – наоборот, он всегда выбирал свой путь, по которому потом за ним пытались идти другие. Наиболее подходящей литературной формой тут мог стать именно социологический роман, который, как потом оказалось, и был наиболее опасной для автора формой.

26 августа 1976 года западные радиостанции объявили о выходе в свет в Швейцарии в издательстве «L'Age d'Homme» книги русского писателя Александра Зиновьева «Зияющие высоты»³⁶. Художественно-публицистический роман содержал «острую критику советского строя». Философ в изложении своих взглядов на устройство советского общества перешел из плоскости аналитической критики к открытому публичному выступлению.

Отвечая на вопрос, что же мы в результате построили, Зиновьев представляет оборотную сторону советского мифа – реальную жизнь жителей города Ибанска, где царят жестокость, произвол и безысходность. Ибанчане ведут сократовские диалоги, разбирая с помощью понятий ибанизма – мифа, который они исповедуют, – разного рода ситуации и реалии своей жизни. И каждый раз констатируют абсурдную ситуацию, тупик, логическую ловушку или зря потраченные усилия. В «Зияющих высотах» передано ощущение глобального тупика и безысходности, характерного для последних лет буксующего социализма.

По Зиновьеву, единственное, что может стать исходной точкой реальных изменений в обществе, это «... правда о себе. Правда, о других. Беспощадная, правда. Борьба за нее и против нее – самая глубинная и ожесточенная борьба в обществе. И уровень развития общества с точки зрения человечности будет отныне определяться степенью правдивости, допускаемой обществом. Когда люди преодолеют некоторый минимум правдивости, они выдвинут другие критерии. А начинается все с этого»³⁷.

Так на свет появился писатель Александр Зиновьев. Литературной родиной писателя Зиновьева стали Швейцария и Франция. Как писателя на Западе его ставили в почетный ряд с Рабле, Свифтом, Франсом, Салтыковым-Щедриным и другими великими писателями прошлого. К этим оценкам прибавилась еще и другая оценка, но уже как социолога, когда его стали называть «Моцартом социологии»³⁸. Русскоязычная зарубежная пресса встретила появление Зиновьева как писателя, мягко говоря, сдержанно.

На Родине официальная реакция на «Зияющие высоты», естественно, была прямо противоположной той, какую они имели на Западе. Выход книги власти оценили как откровенный выпад против советского строя. «На автора беспрецедентно известной книги обрушились соответственно зарубежной славе беспрецедентные по драматичности и по нелепой убогости репрессии, – рассказывает жена Александра Зиновьева. – Он был лишен степени доктора философских наук, звания профессора, лишен всех наград, в том числе фронтовых». Драма-

³⁵ Ермакова И. (<http://www.krugosvet.ru/articles>).

³⁶ См.: Зиновьева О.М. Трудный путь к «Зияющим высотам».

³⁷ Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии.

³⁸ См.: Зиновьева О.М. Начало. К 80-летию Александра Александровича Зиновьева.

тичным было изгнание его из Института философии АН СССР. Исследования ученого объявили не имеющими никакой ценности, оценки и выводы, содержащиеся в «Зияющих высотах», – клеветой на социалистический строй, а имя буквально вычеркнули из советской науки. Через некоторое время А.А. Зиновьеву было предложено либо покинуть страну, либо готовиться к более суровым мерам.

Причиной такой острой реакции советских властей на появление «Зияющих высот» не в последнюю очередь явился их необычайный успех на Западе. Самое страшное преступление Александра Зиновьева состояло в том, что он обнаружил себя и в литературе как величина огромного масштаба. Французская журналистка-литературовед Николь Санд одну из своих первых статей в «Le Monde» о творчестве писателя Александра Зиновьева назвала так: «Гулливер в стране лилипутов». Понятно, что такие сравнения власть терпеть не могла.

Атмосфера травли и психологического давления вынудили Зиновьева решиться на эмиграцию. С 1978 г. начинается эмигрантская жизнь А.А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все это время он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом, выступал в качестве приглашенного профессора. Его статьи и интервью широко публиковались в зарубежной прессе. И все же в круг диссидентов он не входит, поскольку, подвергая устройство советского общества резкой критике, не обнаруживает характерного для диссидентов неприятия всего советского. Его позиция – позиция ученого: «Мы были новаторами в построении нового общества. Мы должны стать новаторами и в его понимании, а значит – и в его беспощадной критике»³⁹.

В 1980 г. выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», в котором излагается разработанная им теория реального коммунизма. Известный социолог и советолог Раймон Арон охарактеризовал ее как единственную действительно научную работу о советском обществе. Труд был удостоен премии Алексиса де Токвиля – высшей награды в области социологии. Александр Зиновьев и поныне остается единственным лауреатом этой премии среди отечественных ученых.

Все последующие годы Александр Зиновьев пишет множество научных и публицистических статей, выступает с многочисленными докладами и интервью, в которых излагает, уточняет, развивает свои воззрения. Особо следует отметить его научно-литературные произведения, замечательные социологические романы и повести того периода: «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» в 2-х томах (1980), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1982), «Нашей юности полет» (1983), «Иди на Голгофу» (1985), «Живи» (1989). В них он продолжает то, что начал в «Зияющих высотах», – в свойственной ему манере исследует социальную действительность, место в ней человека.

В романах «В преддверии рая» и «Желтый дом» развивается тема абсурда социализма. Так, в «Желтом доме» показана жизнь советской интеллигенции – философов и идеологов, за символическими фигурами которых угадываются реальные фигуры советской философской элиты тех лет. Мало кто из них решается подвергать критике устройство существующего «режима». Большая часть, не разрабатывая ничего нового в области теории, активно занимается «марксистской критикой» буржуазных течений, по сути, паразитируя на буржуазной науке и идеологии.

Повести «Гомо советикус» и «Пара беллум» раскрывают тему советского человека на Западе, где чисто внешние изменения общественных условий не меняют первичные общественные инстинкты. Реальные изменения, по мнению автора, возможны только после глубокой работы над собой, предполагают выработку новых ценностей, способности воспринимать правду о себе.

³⁹ Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии (<http://guseinov.ru/publ/zinov2.html>).

Повесть «Пара беллум» – о буднях аппаратчиков из КГБ и рядовых агентов спецслужб, развязавших и организационно осуществлявших ядерную военную истерию в противостоянии с Западом в 70-80-х гг.

В повести «Иди на Голгофу» А.А. Зиновьев затрагивает тему воспитания. По его мнению, для адаптации и функционирования в современном обществе вполне достаточно поверхностных знаний. Но если ставить целью стремление к истине, то задачи образования должны быть иными.

Книги Зиновьева, опубликованные за рубежом, подпольно переправлялись в СССР, размножались и расходились по каналам самиздата⁴⁰.

Новый этап в научном творчестве Александра Зиновьева связан с началом перестройки в Советском Союзе. Он воспринял ее резко отрицательно, назвав «катастрофой». Зиновьев считал, что кризис, в котором оказался Советский Союз к середине 80-х гг., не был кризисом самой системы реального коммунизма, а был кризисом управления этой системой. Его разрешение требовало поиска, разработки, применения специфических именно для коммунистического общества средств, а не разрушения его основ. Методы, заимствованные из принципиально иной западной системы, рыночные реформы и либерализация, такими средствами не являлись. Ставка на них, утверждал Зиновьев еще в самом начале перестройки, неминуемо приведет к краху советского строя, страны в целом.

Чтобы обосновать свой взгляд на перестройку, А.А. Зиновьев сделал упор на выявление потенциала коммунистической системы, который он считал огромным, пока еще не использованным даже в малой степени. Коммунистическая идеология с ее высокими гуманистическими ценностями, доказывал он, имеет мало общего с ее реализацией в советской действительности. Он показывал, какие «банальности жизни» не дали раскрыться заложенным в коммунизме возможностям. Об этом его многочисленные работы тех лет: «Горбачевизм» (1988), «Катастрофка» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994)⁴¹. Но главное – Зиновьев доказывал, что строй, идущий на смену советскому строю и воплощенный в том, что принято называть Западом, уступает коммунизму с точки зрения возможностей создания достойных условий жизни для людей.

Ученый выступил с подобными заявлениями в то время, когда и в Советском Союзе, и за его пределами перестройка воспринималась как эпоха гуманистического обновления социализма. Многие ученые, писатели, философы, деятели культуры, журналисты, политики, широкие слои населения пребывали в состоянии эйфории по поводу происходящих перемен, ходили на митинги, спорили, строили планы. Позиция Зиновьева шла вразрез с подобными настроениями, а потому, чтобы настаивать на ней, от Зиновьева требовались не только уверенность в своей правоте ученого, но и гражданское мужество. Он проявил и то, и другое. Его выводы, оценки, прогнозы подтвердились очень скоро и полностью.

Несмотря на неприятие Зиновьевым перестройки, лично для него она имела, по крайней мере, одну положительную сторону: дала возможность вернуться на Родину, в Россию (правда, уже в другую Россию, чем та, которая приговорила его к вынужденной эмиграции). Он вернулся на постоянное жительство в Россию, в Москву со словами: «Мой народ оказался в большой беде, и я возвратился, чтобы разделить с ним его судьбу»⁴².

О периоде жизни за границей Зиновьев (в одном из интервью) с горечью вспоминает: «20 долгих лет на Западе я прожил в состоянии депрессии и тоски по Родине, хотя мною были написаны 40 книг. Суверенное государство на Западе, так я себя называл!».

⁴⁰ См.: Ермакова И. (<http://www.krugosvet.ru/articles>).

⁴¹ См.: Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии.

⁴² См.: Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии.

Испытания, выпавшие на долю А.А. Зиновьева, не сломили его. Вернувшись на Родину, он активно включается в научную деятельность и общественно-политическую жизнь: пишет книги и статьи, ведет преподавательскую и научную работу в МГУ, в Исследовательском центре Александра Зиновьева при Московском гуманитарном университете, в Литературном институте им. М. Горького, возглавляет Общественный комитет по освобождению Слободана Милошевича. Выступает в прессе, по радио и телевидению по вопросам взаимоотношений России и Запада, внутренней и внешней политики.

Крах реального коммунизма, олицетворением которого был СССР, побудил Александра Зиновьева обратиться к исследованию принципиально иной ситуации, сложившейся в мире после распада СССР. Свое внимание он сосредоточил на социальной системе современного Запада как качественно новом явлении в эволюции человечества. Уже сама такая постановка вопроса может с полным правом рассматриваться как поворотный момент в развитии социологии. Результаты этих исследований Зиновьева изложены в изданных теперь уже в Москве работах: «Запад» (1995), «Глобальный человек» (1997), «На пути к сверхобществу» (2000).

Как отмечалось выше, человек – ключевое понятие социологии Зиновьева. В своем развитии человек проходит три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Переход от общества к сверхобществу являет собой основную тенденцию развития человека, сформировавшуюся во второй половине XX в. Эволюция человечества в течение определенного периода времени протекала в виде борьбы двух линий: коммунистической, наиболее полно и целю воплощенной в Советском Союзе, и западнической, воплощенной в США и странах Западной Европы. В этой борьбе победил Запад, выиграв «холодную войну» против советского блока⁴³.

Россия, считает Зиновьев, из «большой игры» выбыла, опустившись на уровень сырьевого придатка Запада с демократией колониального типа. Правда, он не дает однозначного ответа, являются победа Запада и поражение России окончательными, бесповоротными или же перспектива возрождения России как супердержавы не закрыта. Точно также в разных работах Зиновьева можно найти различные оценки перспективы возрождения коммунизма в обновленной форме. Будучи истинным ученым, Зиновьев воздерживается от вынесения «приговора», формулирования категорических выводов и прогнозов, когда считает, что для этого пока нет достаточных оснований в виде фактов, выявленных закономерностей, устойчивых тенденций.

Вместе с тем Александр Зиновьев в своих трудах, посвященных сверхобществу в его западнической форме, высказывает ряд вполне четких и обоснованных положений. Он создает логически строгое описание западнизма как социального строя современных стран западного мира. Этот процесс протекает на основе и в соответствии с законами социальности, в силу которых другие (незападные) народы и страны будут занимать периферийное и подчиненное положение. В отличие от коммунистического сверхобщества западное сверхобщество формируется не сверху, а снизу. Тут нет насилия и жестокости, которые характерны для советской модели⁴⁴. Зиновьев скрупулезно исследует изменения, которыми сопровождается становление западнического сверхобщества в экономике, социальной культуре.

Он первым в мировой социологии выявил и описал такой атрибут сверхобщества, как сверхгосударство, показал, что оно неизбежно вырастает из западнической демократии, отчасти являясь ее развитием, а отчасти – ее отрицанием.

С возникновением глобального сверхобщества, считает А.А. Зиновьев, произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюции стал играть определяющую роль в истории человечества. Несмотря на доминирование западнизма в становлении сверхобщества, Зиновьев не исключает полностью

⁴³ См.: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу (<http://zinov-ev-aleksandr.viv.ru/cont/naputis/7.html>).

⁴⁴ См.: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу.

возможности воздействовать на этот процесс, противопоставив ему другой, гуманистический, глобальный проект мирового развития. С этой целью он предлагает приступить к разработке новой некоммунистической идеологии, основы которой излагает в работе «Идеология партии будущего» (2003).

И все же в целом взгляд Зиновьева на судьбу человечества является, скорее, пессимистическим. Он сформулировал его в своей последней, предсмертной книге «Фактор понимания». Зиновьев синтезировал в ней результаты всех своих исследований во многих областях гуманитарного знания, в том числе и в философии⁴⁵. «Реальное будущее человечества, – пишет неутомимый искатель истины, – я представляю как господство высокотехнических, но примитивных существ, не имеющих ни малейшего понятия даже о том, как фактически устроены и функционируют самые фундаментальные закономерности человеческого сознания»⁴⁶. Человечество как целое, продолжает мыслитель, «утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания... наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость»⁴⁷.

Зиновьев противоречив? Несомненно! Как сама жизнь. Быть противоречивым – удел великих, стремящихся докопаться до первооснов человеческого существования, а Зиновьев стремился именно к этому⁴⁸.

Невозможно говорить о творчестве мыслителя, такого невероятного масштаба по силе проявления таланта и яркости звучания, как А.А. Зиновьев, опустив при этом внутренний, психологический аспект личности.

Думается, что правильнее всего обратиться к самому философу, в творчестве которого много «его самого». В литературных произведениях под тем или иным именем, часто под многими, он выводит свой образ, а также в очень выразительных художественных автопортретах. Иногда об этом он высказывается в интервью, побуждаемый вопросами собеседника. Хочется отметить только некоторые его суждения о самом себе.

Самое броское и часто повторяемое из них: «Я сам есть суверенное государство из одного человека». Все видят эпатажную дерзость этого утверждения, но не замечают его полемической заостренности против упрощенного толкования суждения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Можно, говорит А.А. Зиновьев. А в своей социологии он даже доказывает, что, только обретя такую независимость, человек становится Человеком⁴⁹. Каждый самостоятельный деятель – мыслитель, философ, ученый, писатель – вправе так себя называть. Рассказывают, что В. Маяковский, знакомясь с Михаилом Булгаковым, представился так: «Поговорим как государство с государством»⁵⁰.

Зиновьев называет себя человеком из Утопии, имея в виду и советскую реальность с ее жестокостями, и советскую идеологию с ее высокими гуманистическими ценностями. Он умеет их соединить таким образом, что второе не является лицемерным прикрытием первого.

Еще Зиновьев называл себя искусственным созданием, результатом эксперимента, который он всю жизнь совершает над самим собой. Такой человек, как он, считает мыслитель, не может сложиться естественным образом. А в одном из романов («Глобальный человек») он появляется в образе инопланетянина. В «Зияющих высотах» он, помимо Болтуна, является еще Крикуном, Шизофреником, Неврастеником, Уклонистом, Учителем.

⁴⁵ См.: Каитор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия (<http://zinoviev.info/wps/archives/47>).

⁴⁶ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 518.

⁴⁷ Там же. С. 521.

⁴⁸ См.: Каитор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия.

⁴⁹ См.: Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии.

⁵⁰ См.: Каитор К.М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия.

Зиновьев – парадоксалист и большой остро слов. Чаще всего, прямо или косвенно, через литературные образы А.А. Зиновьев характеризует себя как исследователя. Логик по изначальной профессии, он остается им и по жизни, стараясь руководствоваться принципом «Платон мне друг, но истина дороже». Если бы Зиновьев не был столь чуток к нарушениям логических правил, можно бы было сказать, что он верит в истину.

Все эти самоаттестации можно было бы считать шуткой, если бы мы не узнали вдруг от него, что он вообще не умеет шутить. Дело в том, что банальность жизни, на которую натываются высокие стремления, что и составляет основу комизма, шутки, он рассматривает как ее самую серьезную и существенную характеристику. В его шутках нет ничего шутливого. Например, все мы думали, а многие до настоящего времени думают, что в «Зияющих высотах» он шутил, высмеивал, сатирически изобличал. А сам Зиновьев считает, что это – самое серьезное, более того – научное, хотя и выполненное в художественной форме, исследование советского общества, где все значимо и символично.

«Ничто не дается людям так тяжело, – размышляет А.А. Гусейнов, – как правда о самих себе. В свое время люди были глубоко потрясены и возмущены открытием Коперника. Они не хотели допустить, что Земля не центр мироздания, а его периферия, всего лишь одна из многих затерявшихся во Вселенной планет. В этом же ряду находится социология Зиновьева, которая поставила людей перед необходимостью признать еще одну неприятную правду – правду об обществе.

В самом общем виде ее можно сформулировать так: все то, что люди громогласно отвергают как мерзость – эгоизм, ложь, бездушие, подсиживание, карьеризм и т. п., на самом деле является одной из норм их жизни в качестве социальных индивидов, естественным следствием законов социальности... Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда и отношение к нему»⁵¹.

...10 мая 2006 года А.А.Зиновьева не стало. До конца отпущенного срока А.А. Зиновьев придавал огромное значение общению с думающей молодежью, старался передать ей свои знания, любовь и беспокойство за судьбу России. Духовное завещание величайшего мыслителя пронизано призывом пересмотреть отношение к себе, своей совести, собственной Родине и задуматься о будущем своей страны: «Мы, россияне, должны отбросить всякие иллюзии насчет XXI века. Он будет не веком благополучия, а веком ожесточенной борьбы. Одни будут бороться за выживание, другие за господство над первыми. Одни за национальные интересы России, другие за ее закабаление глобальным западничеством сверхобществом. Рассчитывать, что кто-то нам поможет, кто-то нас спасет, бессмысленно! Все зависит от нас самих! Оттого, сможет ли наш народ выдвинуть достаточное число мужественных, честных и умных людей? Окажется ли властная и интеллектуальная элита на стороне своего народа или нет?»⁵².

О себе А.А. Зиновьев говорит: «Я не жертва режима, режим – моя жертва. Ему от меня больше досталось!». Это квинтэссенция внутренней сущности великого человека, главным смыслом жизни которого была борьба за истину, за истину во что бы то ни стало. Это Александр Зиновьев – мыслитель, «самостоятельное государство», воплощение тревожной совести и чести, носитель «неудобной» правды, верный себе и своей Родине человек. Человек мира. Человек светлейшего ума. Человек эпохи...

Хочу в ушедшие года, пусть будет нестерпимо плохо.
Твоим я буду навсегда, меня родившая эпоха!

(А.А. Зиновьев)

⁵¹ Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии.

⁵² Интервью А.А. Зиновьева.

Президент РАСН, академик РАН,
директор ИСПИ РАН

Г.В. Осипов

Москва, 2 июня 2008 г.

Запад (Феномен западнизма)

Предисловие к русскому изданию

До сих пор социальный строй западных стран определяется как капитализм по его экономической основе и как демократия по его политической системе. Я считаю, что это определение не соответствует реальности. Не соответствует не в том смысле, будто на Западе уже нет капитализма и демократии, – они тут есть в изобилии, – а в том, что реальный социальный строй западных стран не сводится ни к капитализму, ни к демократии. Эти явления вообще приняли тут такой вид и заняли такое место, что считать их определяющими признаками западного общественного устройства – значит игнорировать его реальную сущность и ориентировать на идеологически тенденциозное и в конечном счете ложное его понимание.

Я называю социальный строй западных стран западнизмом, вестернизмом, не вкладывая в это слово никакого иного смысла, кроме того, что это есть название не западных стран вообще, а лишь их социального строя. А что из себя этот строй представляет, это должно выяснить беспристрастное научное исследование.

В результате моего анализа западнизма я пришел к выводам, которые в двух словах можно резюмировать так. С точки зрения социально-экономической западнизм стремится к созданию гарантированных должностей и доходов для представителей тех видов деятельности, которые не являются непосредственными производителями материальных ценностей и услуг, и к усилению частного предпринимательства как самого эффективного средства принуждения людей к трудовой деятельности и повышения производительности ее. При этом частное предпринимательство не связано необходимым образом с частной собственностью. Оно может быть таковым даже в том случае, если в деловой сфере не останется ни одного частного собственника, являющегося юридическим субъектом предприятия. В сфере социально-политической западнизм стремится к усилению недемократического аспекта системы власти и управления, к усилению роли государственности, к введению недемократических элементов в систему власти и к превращению демократии в средство манипулирования массами и в камуфляж для тоталитарного аспекта.

Эволюция западнизма в обеих основных сферах общественного устройства идет в направлении, сближающем западное общество с коммунистическим. Теория конвергенции этих социальных систем была выдвинута не коммунистами, а западными идеологами. Разгромив коммунизм на «Востоке», Запад сам устремился в том же направлении, хотя и своими путями, называемыми в идеологии и пропаганде демократическими. Можно подумать, что Запад в свое время разгневался на русских «дикарей» не за коммунизм, а за то, что они опередили его в этом отношении и построили коммунизм по-русски, то есть неправильно, халтурно, не по-западному.

Мюнхен, 1993

Неожиданное предложение

Когда издатель Оливье Орбан предложил мне написать книгу о Западе, я оторопел.

О Западе уже написаны многие тысячи книг. Зачем к этому океану книг добавлять еще и мою?! Я никогда не изучал Запад специально и систематически. Мой личный опыт жизни на Западе был довольно ограниченным. Конечно, я побывал во многих западных странах, встречал самых различных людей, слушал радио, смотрел телевидение, читал газеты, журналы и книги. Но делал я все это хаотично и спорадически, не имея никакого намерения собирать информацию для сочинений о Западе.

Я высказал это моему собеседнику. Он сказал, что ничего иного и не ожидал. Ему нужен от меня не путеводитель по странам Запада, не учебное пособие и не справочник, а впечатления и мысли, какие возникли у меня за годы жизни на Западе. В моих сочинениях он встречал много высказываний о Западе⁵³. Если их развить и систематизировать, может получиться книга, представляющая интерес для западных читателей. К тому же как посторонний наблюдатель я могу заметить в западном образе жизни что-нибудь такое, что игнорируют западные наблюдатели, или дать свою интерпретацию известным явлениям. Случаи такого рода в истории были. Алексис де Токвиль⁵⁴, например, за короткий срок пребывания в США увидел там больше, чем сами американцы, и стал основоположником теории современной демократии в Западной Европе.

Я возразил на это, что открытая Токвиллем в Америке демократия давно торжествует во многих странах мира. Знакоков ее – миллионы. Соблазнять ею моих соотечественников нет надобности. Они сами превратились в яростных «токвиллей», представляя себе Запад как тот самый земной рай всеобщего благополучия и изобилия, какой им обещали коммунистические идеологи и вожди. И всякую попытку рассказать о Западе с точки зрения здравого смысла они воспринимают как прокоммунистическую пропаганду или вообще игнорируют.

Я попросил дать мне срок обдумать предложение. Чем больше я думал о нем, тем грандиознее казалась задача и тем мизернее мои возможности ее решения. И я решил было отказаться. Но положение в России к этому времени сложилось такое, что все упомянутые выше соображения отпали как второстепенные. Стало очевидно, что моя Родина потерпела поражение в «холодной войне» с Западом, встала на путь позорной капитуляции перед ним и бездумного заимствования западных образцов. Передо мною все настойчивее вставали мучительные проблемы. Что из себя представляет этот феномен по имени Запад, который нанес такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причем без единого выстрела? В чем источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Является ли Запад на самом деле таким, каким его теперь изображает самодовольная западная и прозападная пропаганда в России? Что на самом деле несет мировая гегемония Запада остальному человечеству? Уклониться от такого рода проблем я уже не мог. И я принял предложение.

Садиться за систематическое изучение Запада, как я это сделал бы лет тридцать или сорок назад, было немислимо. Мне надо было за короткий срок, отпущенный на написание книги, среди массы других неотложных дел и с малыми силами сделать что-то такое, от чего мне не было бы стыдно в оставшиеся годы жизни. Я вспомнил об эвристических принципах,

⁵³ В моих книгах «Мы и Запад» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1987), «Исповедь отщепенца» (1990).

⁵⁴ Alexis de Tocqueville. *Democratie en Amérique*. 1835.

которые открыл для себя еще в юности, начав изучать советское общество тайно, в одиночку и в условиях, которые никак не располагали к серьезной науке.

Приведу для примера два из этих принципов. Согласно первому из них любая произвольно взятая и достаточно обширная сумма информации, относящаяся к некоторому социальному объекту, содержит в себе все то, что необходимо и достаточно для понимания сущности этого объекта. Согласно другому принципу самые глубокие тайны основных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах общественного здания, за кулисами политической сцены, в секретных учреждениях и кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни. Люди не видят их главным образом потому, что не хотят их видеть или признать их за нечто достойное внимания. Во всех сенсационных сочинениях, разоблачающих некие тайные и скрытые пружины общественной жизни и человеческой истории, не было сделано ни одного серьезного научного открытия. В них вообще содержится истины не больше, чем способен заметить здравомыслящий ум в самых заурядных житейских делах.

Руководствуясь такого рода принципами, я решил продолжать знакомиться с Западом так же хаотично, как делал это раньше, и сосредоточить свои усилия на обдумывании общеизвестных и доступных для обычного наблюдения явлений. Те упоминания имен, источников информации и фактов, которые читатель найдет в книге, это то, что всплыло в моей памяти из прошлого образования или попало под руку во время работы над книгой, а не какой-то годами накопленный профессиональный научный аппарат. В конце концов, читатель не должен воспринимать эту книгу как законченную теорию западного общества. Это будет лишь изложение тех принципов и идей, какими я стал бы руководствоваться, если бы имел силы, время и намерение строить такую теорию, иными словами – изложение того, как я понимаю Запад.

Знать и понимать

Знать что-то об обществе и понимать его – далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало понимать. Однако число людей, считающих себя специалистами в понимании своего общества только на том основании, что они что-то знают о нем, больше, чем в любой другой сфере познания. Каждый, кто имеет какой-то опыт жизни в данном обществе, считает себя его знатоком. Он воображает, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые люди видят своими глазами, среди которых живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает какое-то высокое положение в обществе и имеет возможность публично высказываться на социальные темы, считают себя и считаются другими высшими экспертами в них. Даже актеры и спортсмены высказываются на социальные темы с таким апломбом, будто изучали их профессионально.

Понимание общества не дается автоматически опытом жизни в этом обществе, наблюдением его отдельных явлений, накоплением конкретных сведений о нем. Подавляющее большинство людей проживает жизнь, не понимая и даже не пытаясь понимать общество, в котором они живут. Так было всегда. И так будет, пока будет существовать человечество. Сотни миллионов людей живут в западных странах, умеют в них жить, могут многое рассказать о них. Но если устроить проверку того, как они понимают свое общество, то можно будет установить, что подавляющее большинство из них в этом отношении мало чем отличается от дикарей далекого прошлого.

Миллиарды людей обучаются и умеют жить в своем обществе. Но умение жить в обществе и умение понимать его не только не совпадают, но являются в какой-то мере взаимоисключающими. Виртуозы по умению жить в обществе (карьеристы, предприниматели, ловкачи, мошенники) обычно являются полными кретинами в понимании его, а те, кто понимает свое общество (что встречается чрезвычайно редко), как правило, бывают плохо приспособленными к практической жизни в нем.

Понимание того или иного конкретного общества зависит от многих факторов, в том числе от того, какими методологическими принципами руководствуется исследователь. Эти принципы предопределяют то, что именно исследователь заметит в изучаемом обществе и как истолкует замеченное. На Западе не было недостатка как в общефилософских, так и в общесоциологических концепциях и теориях. Но во всем том, что мне довелось узнать на эту тему, я могу согласиться лишь с отдельными утверждениями отдельных авторов, но не могу принять ни одну из их концепций и теорий целиком.

В области логики и методологии науки я работал профессионально в течение многих лет. Я разработал свою логико-философскую концепцию. Заинтересованный читатель может познакомиться с ней в моих опубликованных работах⁵⁵.

В области социологии мне приходилось когда-то знакомиться с работами таких авторов, как О. Конт, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, В. Парето, М. Вебер, Т. Веблен и многие другие. Само собой разумеется, я досконально изучал марксистскую концепцию общества. Я отдавал и отдаю должное всем им, но не настолько, чтобы стать их последователем. Я выработал для себя свою «общую социологию», многочисленные идеи и принципы которой заинтересованный читатель может заметить в моих социологических и литературных работах о коммунистическом обществе⁵⁶.

⁵⁵ Основы моей методологии науки читатель может найти в моих книгах «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Логическая физика» (1974) и других.

⁵⁶ В социологических эссе «Коммунизм как реальность» (1981), «Сила неверия» (1986), «Горбачевизм» (1987) и «Кризис коммунизма» (1991), в публицистических работах «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1981) и «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), а также в литературных произведениях «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «Желтый

Многие мыслители рассматривали человеческое общество как организм. Такую идею можно найти уже у Вико. В России сходную идею развивал Н.Я. Данилевский и В.О. Ключевский. В XX веке Шпенглер и вслед за ним Тойнби рассматривали историю человечества как ряд гигантских сверхорганизмов, переживающих периоды возникновения, детства, юности, зрелости, расцвета, упадка, старости и умирания. Идею рассматривать общество как живой организм высказывали О. Бальзак, Н. Винер и другие. Еще дальше в этом направлении пошел социальный дарвинизм и социобиология, которые распространили биологические законы на явления социальные (например, Эдвард Уилсон).

Человеческое общество действительно по многим признакам сходно с такими биологическими организмами, как животные и люди. Но достаточно ли этого сходства, чтобы считать общество организмом? Это вопрос терминологический. Можно термин «организм» определить так, что только пространственно локализованные индивидуальные живые существа попадут в число организмов. Но этот термин можно определить и более широко, включив в число организмов и объединения организмов в узком смысле, например – стаи и стада животных, муравейники. Очевидно, в первом случае общество не попадет в число организмов, во втором – попадет.

Во избежание терминологической путаницы я буду употреблять выражение «базисный организм» для обозначения организмов в приведенном выше узком смысле слова и выражение «социальный организм» – в широком. Так что человеческое общество в таком словоупотреблении есть социальный организм, состоящий из базисных биологических организмов – людей.

Имеются определенные законы, касающиеся взаимоотношения социального организма как целого и его базисных организмов, – законы органичности. Так, имеет силу закон адекватности базисных организмов и построенного из них социального организма. Из клопов или тараканов не построишь общество такого вида и масштаба, какими являются западные страны. Более того, не любой человеческий материал способен на это⁵⁷.

Надо различать то, как структурируется социальный организм сам по себе, в силу своих законов структурирования, и то, как его расчленяет и как классифицирует его части исследователь в целях удобства описания этого организма. Совпадение тут далеко не всегда имеет место. Мясник расчленяет животное и классифицирует его части иначе, чем ученый анатом, хотя отчасти их позиция и может совпадать. В большинстве социологических, политологических и экономических сочинений западных авторов, которые попадались мне на глаза, западное общество расчленяется по «принципам мясника», а не анатома. В этом обществе, например, нет таких эмпирических частей, как высшие, средние и низшие слои, определяемые величиной доходов. Можно предложить различные способы измерения доходов, вследствие чего изменится и разделение людей на слои. А между тем до сих пор население западных стран делится прежде всего на слои именно по этому принципу «научных» мясников. И при этом высмеивается марксистский «классовый» подход, который ничуть не хуже упомянутого «слоевого».

Социальный организм, в отличие от биологического, одновременно структурируется во многих измерениях, – он многомерен. При этом его «органы» и «ткани» не имеют таких четких форм, как в биологическом организме. Границы между ними подвижны и неопределенны. Причем они проникают друг в друга по самым различным каналам. Это делает невозможной одномерную классификацию его элементов. Многие недоразумения, трудности и споры в социальных исследованиях возникают в значительной мере из-за того, что структурно подвижное и многомерное образование пытаются рассматривать как четко фиксированное структурно и одномерное. Например, к какой социальной сфере отнести государственную власть? Относят,

дом» (1982) и «В преддверии рая» (1979).

⁵⁷ О роли человеческого материала писала Маргарита Баранова (Апраксина) в работе «Письмо Зиновьеву», которая не опубликована.

разумеется, к политической. И это верно. Но государство есть одновременно и элемент социально-экономической сферы. И дело тут не просто в том, что оно выполняет какие-то экономические функции, «вмешивается в экономику», вызывая гнев апологетов свободной конкуренции. Дело в том, что экономика просто немыслима без государства как ее составного элемента. Или к какой сфере отнести производство духовных ценностей? Оно одновременно относится и к сфере экономики, и к сфере культуры, и к сфере идеологии. И опять-таки тут имеет место не просто вмешательство экономики в культуру. Сама культура есть составная часть экономики. Аналогично идеология есть часть культуры, культура – сфера и средство идеологии. Еще более разительный пример многомерности западного социального организма дает ситуация со сферой средств массовой информации, в которой перекрещиваются сферы бизнеса, государственности, идеологии, пропаганды, гражданского общества.

Исторически человек сформировался в разумное существо как член объединения людей – семьи, стада или стаи, рода, племени. Одновременно с этим происходил процесс воздействия интеллекта человека на сам характер объединения людей. Последнее постепенно превратилось в организованное, то есть упорядоченное с участием человеческого интеллекта скопление людей. Это более высокий уровень объединения однородных базисных организмов в целое по сравнению с муравейником, ульем, стаей волков или обезьян. Так что человеческое общество представляется скорее как организация, а не как организм, поскольку первое слово ориентирует на некую стихийность («природность»), а второе – на сознательность процесса формирования общества.

Я не вижу между двумя подходами противоречия. И тот и другой правомерны, но в ограниченных пределах и с оговорками. Социальная организация есть то в обществе, что как-то осознано и закреплено в каких-то правилах, высшей формой которых является законодательство. Человеческое общество сравнительно высокого уровня развития есть организованный с помощью разума социальный организм или сложившаяся по законам органичности организация.

Тип общества образует устойчивая совокупность признаков, сохраняющаяся в течение всей жизни общества. Самым значительным, на мой взгляд, учением о типе общества является учение Маркса об общественно-экономической формации. Я не разделяю это учение с точки зрения его конкретного содержания. Но сама методологическая идея типизации общественных организмов вполне научна.

В истории человечества никогда не было и не будет «чистых» обществ, то есть таких, которые точно совпадают с каким-то типом общества. Реально существовавшие, существующие и будущие общества являются, как справедливо заметил М. Фридман, смешанными. Это означает, что в них можно заметить элементы и свойства обществ различных типов. Это, я думаю, очевидно. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах в XX веке. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В этой книге я излагаю мое понимание общества западного типа, отвлекаясь от всякого рода посторонних «примесей», то есть в «чистом виде».

Запад

Запад. Что это такое? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего выделить Запад как особый объект из множества прочих объектов. Это делается двумя различными способами. Первый способ – перечисление конкретных стран, включаемых в Запад или считаемых западными. Эти страны суть Франция, Италия, Англия, Германия, Бельгия, Швейцария, США, Канада, Австралия и многие другие, список которых можно найти в любом справочнике и учебном пособии соответствующего профиля. Второй способ – дефиниция, в которой указываются характерные свойства стран, считаемых западными, – демократия, частная инициатива и собственность, рыночная экономика, плюрализм и другие признаки.

Эти два способа, как правило, смешиваются, во всяком случае – четко не различаются. Причем чем дальше, тем больше. Этому есть объяснение. После Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года в России мир раскололся на два враждебных лагеря – на лагерь капитализма и лагерь коммунизма (по принятому словоупотреблению). Первый стали часто называть Западом, ассоциируя это слово с социально-политическими условиями в странах Западной Европы, а второй – Востоком, акцентируя внимание на социально-политическом строе Советского Союза, то есть бывшей Российской империи. После Второй мировой войны коммунистический лагерь угрожающе расширился и укрепился, и борьба двух лагерей стала на много десятилетий основой мировой истории. Слово «Запад» приобрело еще более абстрактный смысл и расширилось по объему. Оно стало обозначением стран с определенным социально-политическим строем, так называемых демократических стран. В число таких стран вошли США, Канада, Австралия и другие, подобные им и западно-европейским странам с точки зрения социального строя, экономики и политической системы. В это множество стали включать Японию, Южную Корею, Тайвань и другие американизированные страны. А после разгрома советского блока и самого Советского Союза в «холодной войне» в Запад стали включать даже страны Восточной Европы, вставшие на путь подражания странам Запада, – на путь западнизации. Словоупотребление стало еще более смутным и двусмысленным.

Я считаю, что выделение Запада посредством абстрактной дефиниции, фиксирующей какие-то стороны или свойства этого феномена, является методологически несостоятельным и несоответствующим фактическому положению вещей. Запад есть эмпирическое явление. И выделен он как таковое может быть лишь путем предварительного описания его тела в определенных пространственно-временных границах, а именно – путем перечисления вполне конкретных стран и народов. А какими являются свойства этого эмпирически данного объекта, это должно выяснить последующее исследование по правилам анализа именно эмпирических объектов. Лишь на этой основе могут быть использованы дефиниции в качестве кратких итогов исследования.

Сказанное касается не только Запада в целом, но и его составных элементов, сторон, подразделений. Для западных сочинений, относящихся к социальным объектам, характерным является стремление давать этим объектам абстрактные дефиниции уже в исходном пункте их описания, можно сказать, что им характерен справочно-бюрократический стиль мышления. Это имеет следствием запутывание банальных проблем и превращение действительно сложных проблем в банальности. Ложное начало предопределяет последующее описание, которое, как правило, выглядит как более или менее упорядоченный набор привычных словесных клише.

Уникальность Запада

Следствием смешения упомянутых двух способов выделения Запада как особого объекта внимания является то, что в Запад включаются какие-то страны и народы только на том основании, что они в чем-то похожи на Францию, Англию, Италию, США и другие страны, действительно образующие тело Запада, или стремятся уподобиться им под их влиянием. Эти страны суть всего лишь сфера господства, влияния и интересов Запада, как бы далеко они ни зашли в своем уподоблении Западу.

Запад есть вполне определенное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, китайцы, поляки, чехи, русские и представители других народов могут стать и становятся элементами тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и то это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь здесь все равно чужеродным явлением. Не исключено, что когда-нибудь пришельцы из незападных стран станут подавляющим большинством в западных странах и будут тут задавать тон. Как говорил один из моих литературных персонажей: «И вопить будет “Алла!” с башни Эйфеля мулла». Но тогда тут будет уже не тот Запад, о котором я здесь намерен говорить, а нечто иное. Отношение этого гипотетического Запада (если за ним сохранится это название) к нынешнему будет подобно отношению Турецкой империи к Византии или завоёванного варварами и бывшими рабами Рима к Римской империи в период ее расцвета.

Запад есть явление уникальное, то есть единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Повторяю и подчеркиваю, социального феномена, аналогичного Западу в его самых существенных чертах (о них речь пойдет ниже), никогда не было ранее на планете, нет и не будет в будущем, если этот Запад разрушится и сойдет со сцены истории. Почему я это утверждаю с такой категоричностью? Во-первых, потому, что планета наша не так уж велика, Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Во-вторых, само стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Конечно, рассуждая абстрактно-математически, можно «доказать» возможность другого точно такого же стечения бесчисленных условий где-то во Вселенной. Но я в такие «доказательства» не верю. Они основываются на целой серии логических ошибок, анализ которых здесь был бы неуместным. Но если даже допустить, что где-то нечто подобное существует, это будет все равно явление иной социобиологической природы, чем наш реальный, земной Запад.

Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что западнизация их стран не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам. Первая причина – навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. д.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Вторая причина – место и роль Запада (скажем, «мировой престол») уже заняты, и самое большее, на что эти западнизируемые народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, слияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им может позволить сам единственный и неповторимый Запад.

Как бы русские ни оплеывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствовали в разрушении всего того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленках и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно никогда не станет частью Запада. Какая

судьба ожидает ее в сфере западнизации, об этом в свое время откровенно сказал и показал Гитлер. Сейчас, разумеется, об этом не говорят вслух, но стремятся делать по сути дела то же самое. Нужно быть круглым идиотом, чтобы воображать, будто на Западе стали бы млеть от восторга, если бы на мировых рынках появились мощные конкуренты из России и стали бы вытеснять американских и западноевропейских предпринимателей.

Об уникальности Запада писали и другие авторы⁵⁸. Но они имели в виду уникальность Запада как экономического, социально-политического, идеологического и культурного явления. Я считаю, что говорить об уникальности Запада в этом смысле логически ошибочно. Если бы в мире существовала всего одна страна с такими признаками, все равно было бы бессмысленно считать ее социальный строй и его атрибуты явлениями уникальными. В том смысле, в каком «уникален», например, западный капитализм, «уникален» и феодализм, и коммунизм, и вообще любой социальный строй. Тут логически правильно говорить не об уникальности, а об универсальности капитализма, коммунизма и т. д., поскольку законы этих социальных феноменов одни и те же везде, где они существуют. Запад уникален лишь как конкретное социобиологическое образование, каким бы ни был его социальный строй.

⁵⁸ Например, Вернер Зомбарт в книге «Современный капитализм», 1926.

Западная идентификация

Выделение всякого человеческого объединения из окружающей социальной среды предполагает то, что определенное множество людей осознает себя в качестве членов этого объединения и отличает себя в этом качестве от других людей (внутренняя идентификация), а какое-то множество из этих других людей осознает себя в качестве чужих для этого объединения людей, отличает их от себя именно как от представителей этого объединения (внешняя идентификация). Внешняя идентификация Запада началась раньше, чем внутренняя. В России это произошло уже в XIX веке. Внутренняя идентификация началась лишь после Второй мировой войны, когда народы Запада оказались перед лицом угрозы со стороны мирового коммунизма, возглавлявшегося Советским Союзом. Но она до сих пор не стала настолько сильной, чтобы французы, англичане, немцы, итальянцы, американцы и прочие народы западных стран осознавали себя в первую очередь в качестве западных людей и лишь во вторую очередь гражданами своих стран. И трудно сказать, произойдет ли это вообще когда-нибудь. Глядя на американцев, впадающих в экстаз от одной мысли, что они суть именно американцы, несущие человечеству американские ценности и американский мировой порядок, или глядя на немцев, ведущих весьма угрожающую для других стран Западной Европы борьбу за гегемонию в Европе, я никак не могу вообразить себе французов, итальянцев, англичан, испанцев и прочих западных людей, гордящихся мировыми претензиями и успехами американцев и немцев как своими собственными, общезападными. Ведь и Гитлер когда-то был уверен в том, что американцы, англичане и французы помогут ему раздавить русских, поскольку они суть тоже западные люди, как и немцы.

Для единства такого гигантского образования, каким является Запад, внутренняя идентификация как постоянно действующий фактор вообще не требуется. Она может возникать на короткое время как политический и идеологически-пропагандистский фактор, когда западные страны совершают какие-то совместные действия вроде карательных акций в отношении Ливии, Ирака или Сербии. Ведь и в гигантской Римской империи далеко не все народы и слои населения идентифицировали себя в качестве римлян. Аналогично немногие осознавали себя в первую очередь россиянами, причем самыми рьяными из них были обрусевшие или хорошо устроившиеся чужеземцы.

Западное общество

Человеческим обществом или, короче, просто обществом я здесь буду называть объединение людей, занимающее или использующее определенную территорию, обладающее сравнительной замкнутостью, воспроизводящееся как целое из поколения в поколение в течение более или менее длительного времени. Современные западные страны («национальные государства») суть наглядный пример человеческих обществ. Употребляя выражение «западное общество», я буду иметь в виду именно эти страны в качестве частных случаев.

Каждое западное общество, за исключением «вырожденных» случаев вроде Монако и Лихтенштейна, разделяется внутри на более мелкие территориальные единицы – штаты, департаменты, провинции, земли, кантоны. Последние разделяются на еще более мелкие части вплоть до самых маленьких местных общин. С другой стороны, западные общества объединяются в группы и в целом образуют некоторое единство. Имеет место сильная тенденция к объединению их в целостное общество. Но пока западными обществами в строгом смысле слова остаются общеизвестные западные суверенные страны, а не их части и не их объединения. Именно в них свойства этого социального феномена выражены наиболее полно и четко. Поэтому исследование именно их должно стать исходным пунктом исследования Запада.

Феномен западнизма

Слово «Запад» употребляется не только как обозначение индивидуального явления, то есть совокупности вполне конкретных стран и народов, но и как абстрактное понятие, то есть как обозначение совокупности явлений, которые не связаны необходимым образом с особенностями отдельных западных стран и являются для них общими. В таких случаях употребляют также слова «демократия», «капитализм», «плюрализм», «открытое общество» и т. п. Я считаю, что эти слова превратились в идеологически-пропагандистские фетиши, не столько поясняющие, сколько затемняющие суть дела. Я буду употреблять термин «западнизм» для обозначения социального типа западных стран, то есть того общего в западных странах, что так или иначе отражается в упомянутом выше абстрактном употреблении слова «Запад» и в упомянутой совокупности слов политического, идеологического и пропагандистского лексикона. Слово же «Запад» я оставляю как обозначение совокупности конкретных стран и народов, о которой идет речь, но сделав к этому один корректив.

Западнизм есть сложный и целостный социальный феномен, в котором можно увидеть и капитализм, и демократию, и социализм (коммунизм), и прочие общеизвестные явления, но который как специфическое целое не есть ни капитализм, ни демократия, ни социализм (коммунизм), ни любое из прочих его свойств по отдельности. С другой стороны, западнизм в целом есть лишь свойство и часть более обширных объединений – конкретных западных стран. Он зародился в этих странах, достиг в них зрелости, стал неотъемлемым качеством их природы. Он стал в этих странах играть настолько важную роль, что они уже не мыслятся без западнизма. Из этих стран западнизм распространился по планете именно как западнизация других стран и народов.

Западнизм не есть всего лишь множество отдельных общих свойств западных стран. Это есть особое целостное образование в теле западных стран. Это, грубо говоря, есть общество второго уровня по отношению к тому обществу, которое существует в этих странах испокон веков. Трудность понимания этого соотношения различных социальных феноменов состоит в том, что западнизм существует в том же пространственно-временном объеме, что и народы конкретных стран, и с тем же человеческим материалом. Одни и те же граждане этих стран одновременно участвуют как в жизни своей человеческой общности вообще, так и в жизни западнизма. Полного совпадения тут нет. Народ данной конкретной страны имеет свою историю, которая не сводится к истории западнизма. И в современной жизни людей не все есть их жизнь в качестве кирпичиков западнизма. Но западнизм, став доминирующим явлением в жизни западных народов, превратил их в среду и средство своего бытия. Западнизм сросся с западными странами настолько, что слово «Запад» теперь обозначает не просто определенное множество стран, но стран, являющихся воплощением западнизма. Реальность западнизма и есть современный Запад.

Запад и западноевропейская цивилизация

Запад есть живое существо. Все живое, как это общеизвестно, переживает определенные стадии жизни – зарождение, формирование, зрелость, упадок, старение и смерть. Сейчас Запад достиг стадии зрелости. И хотя он время от времени впадает в состояние кризиса, дающее повод паникерам и недоброжелателям говорить о его упадке и скорой гибели, он еще не достиг вершины своего расцвета. Так что сейчас нелепо гадать о его временной границе в будущем. Зато надо установить его временную границу в прошлом, ибо это важно для выделения и понимания самого феномена Запада.

Когда зародился и сформировался Запад? Обычно начало истории Запада датируют периодом упадка Римской империи. Этот предрассудок есть следствие определенного подхода к истории, суть которого заключается в следующем. Берется какой-то пространственный объем (например, Западная Европа) и рассматривается, что происходило в нем в какой-то промежуток времени (например, со времен падения Римской империи до наших дней). Изобретается определенная периодизация событий. События оцениваются с точки зрения значительности их для своего времени и последующих событий. С точки зрения этого подхода исторический процесс представляется как некая единая линия эволюции с различными этапами, просто как смена событий, предшествовавшая данному состоянию исследуемого социального пространства. Естественно, в качестве начала Запада при этом само собой напрашивается разрушение Римской империи.

Рассмотренному подходу я противопоставляю другой, суть которого такова. Выделяется некоторый конкретный социальный феномен и исследуется как эмпирическое явление в его существенных свойствах и закономерностях. Исходя из этого выясняются его корни в прошлом, его зарождение и формирование. С точки зрения такого подхода не все, что происходило в данном пространственном объеме в прошлом, есть история выделенного феномена. Не все, что происходило в Западной Европе со времени краха Римской империи, есть история того, что я выделяю в качестве предмета моего внимания, – феномена западнизма, воплощенного в странах Запада, или Запада как воплощения феномена западнизма, а также Запада как социального целого. В прошлой истории Западной Европы можно обнаружить предпосылки, условия и корни этого феномена, но не сам этот феномен в его качественной определенности.

История западных стран есть история западноевропейской цивилизации, но еще не есть история Запада как особого социального образования. Это есть лишь одно из исторических условий Запада. История западноевропейской цивилизации подготовила «строительный» материал для Запада – определенный человеческий материал, материальные и духовные ценности, социальные институты, культуру, идеологию. Но как особый социальный феномен Запад есть молодое образование. Он возник недавно. Давно ли в массовое употребление вошли выражения вроде «у нас на Западе», «у них на Западе», «западная политика», «западная культура» и т. п.? Давно ли массы людей стали идентифицировать себя в качестве людей западных, отодвигая на задний план или вообще игнорируя свою национальную или этническую принадлежность?!

Исторически западнизм возник и развивался в среде общества иного типа. Условиями его возникновения и вызревания были такие исторически данные факторы. Это – сравнительно сильная и развитая государственная власть, наличие какого-то законодательства, денежная система, признание частной собственности на движимое имущество, наличие лично свободных людей, которые в рамках законов и под защитой государственной власти могли что-то производить и продавать за деньги, существование категории лично свободных людей, которые могли нанимать других свободных людей или наниматься другими.

Развитие западнизма было развитием, укреплением и расширением самих этих условий. Причем эти условия входили в структуру самого западнизма, становились его необходимыми элементами. Начиная с некоторого момента, когда западнизм приобрел достаточно сил, чтобы начать борьбу за господство в обществе, он начал оказывать обратное влияние на свои условия (то есть на государственную власть, правовые отношения, денежную систему и т. д.), вынуждая их приспособляться к его интересам. Так называемые буржуазные революции знаменовали собою поворотный пункт в истории, когда произошло «оборачивание» в отношениях между компонентами исторического процесса, а именно – условия западнизма сами стали обуславливаться им. И в структуре сложившегося западного общества западнизм из одного из «надстроечных» явлений существовавшего ранее общества превратился в «базис» нового общества.

Западное общество возникло не на пустом месте и существует не в изолированном пространстве, а в уже развитой человеческой среде, причем как более высокий уровень организации человеческих существ. Отношение западнизма к общечеловеческой среде подобно отношению животного мира к растительному, высших видов животных к низшим, человечества к животному миру. Я эту общечеловеческую среду, имеющуюся в каждой западной стране и в окружающем Западу мире, предполагаю данной, оставляя этот аспект дела без внимания.

Предыстория и история западнизма

Я различаю предысторию западнизма на Западе и историю Запада как историю ставшего западнизма. Первая есть зарождение, распространение и вызревание западнизма в недрах (в теле) того общества, которое сложилось в течение многих веков в Европе, главным образом, в той ее части, которую в середине XX века стали называть Западом. Вторая есть завоевание западнизмом господствующего положения в западных странах, начало истории этих стран на основе западнизма. Установить точную дату начала этого периода невозможно, так как в различных частях планеты (а не только Западной Европы!) этот процесс начался в различное время, причем был растянут во времени и погружен в совокупность процессов иного рода. Но можно указать заметные исторические вехи, которые свидетельствовали о том, что Запад уже зародился и начал жить. Эти вехи – так называемые буржуазные революции в Англии и Франции, борьба Нидерландов за независимость от Испании, борьба американских колоний за независимость от Европы и образование США.

Западнизм формировался неравномерно, по различным линиям и в течение длительного времени. И более или менее явное проявление его на арене истории как для других, так и для себя было таким же. Если бы нужно было выбрать официальные даты для празднования его юбилея, то во Франции, например, я бы выбрал не только день 14 июля 1789 года, но и такие даты: 26 августа 1789 года, когда Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», 6 января 1800 года, когда был учрежден Французский банк, и 21 марта 1804 года, когда был принят Закон о введении «Гражданского кодекса» («Кодекса Наполеона») в действие. Эти события проявили открыто то, что западнизм уже достаточно созрел, чтобы «выйти в свет». Вместе с тем они послужили важными условиями для того, чтобы западнизм начал покорять этот «свет».

На это можно возразить, что то, что я считаю вехой начала истории Запада, есть лишь веха нового этапа в истории Западной Европы, а именно – этапа капиталистического (буржуазного). Но в таком случае и падение Римской империи есть не начало какого-то нового социального феномена, а всего лишь новый этап в истории все того же абстрактного человечества. При таком подходе вообще пропадает важнейший элемент истории человечества – возникновение различных живых социобиологических существ и выделение их из общей почвы жизни человечества в особые типы социальной жизни. При таком подходе история человека оказывается лишь этапом в истории животного мира, а история последнего – этапом в мире живых организмов вообще.

С точки зрения моего подхода то, что я называю Западом, не есть всего лишь этап в истории Западной Европы. Это – нечто иное. Это – новое качество в человеческой истории, новый социальный феномен со своими собственными этапами эволюции. К тому же ошибочно сводить суть Запада (пусть нового этапа в истории западных стран) к капитализму. Капитализм сыграл свою роль в возникновении Запада. Он был одной из его предпосылок. Но возникновение Запада было явлением более обширным и сложным, чем лишь приход буржуазии к власти.

В рассматриваемый период происходило образование больших суверенных человеческих объединений, которые стали называть «национальными государствами» (слово «государство» здесь употребляется не в смысле системы органов власти, а как синоним слова «страна»). Это – Франция, Англия (Британия), Голландия, Бельгия, Италия, Германия, США, Канада, Австралия и многие другие. Несмотря на разнообразие этих стран и далеко не мирные отношения между ними, в них сформировалось нечто такое, что позволяло считать их странами западного типа или западными странами, – сформировался западнизм как особый социальный феномен. Западнизм послужил важнейшим условием формирования «национальных государств».

Но вместе с тем лишь в рамках этих государств западнизм развился настолько, что овладел целым обществом и стал его базисом, – определил сам тип общественного устройства страны.

Этот период истории Запада был историей входивших в него «национальных государств» и их взаимоотношений. Нельзя считать случайностью тот факт, что Запад сложился как множество социально однотипных стран. Несмотря на взаимную вражду, доходившую до войн, феномен западнизма смог исторически выжить только благодаря упомянутой его множественности. В противном случае он либо остался бы второстепенным явлением в совокупности явлений иного рода, либо был бы задушен вообще. Западнизм завоевывал себе место под солнцем во многих местах планеты, можно сказать – широким фронтом.

В этот период сформировались социальный строй, политическая система, экономика, культура и идеология западных стран, представляющие собою различные аспекты западнизма, развившегося до уровня целостных обществ. Ниже я рассмотрю каждый из этих аспектов специально. Здесь же замечу, что сходство западных стран во всех этих аспектах обусловлено не столько взаимным влиянием, сколько внутренними закономерностями самого западнизма. Исключать взаимное влияние не следует, оно свою роль сыграло. Но и преувеличивать его не следует, дабы не затемнять более глубокие основы этих явлений. Сейчас уже невозможно установить, когда и в какой мере имело место взаимное влияние, а когда – совпадение независимых линий эволюции, лишь постфактум или случайно понятых как результат взаимного влияния. Да в этом и нет надобности, ибо история так или иначе сделала свое дело, и нам остается лишь констатировать сходность процессов в различных пространствах мира.

В этот период обнаружилось с полной очевидностью то, что западнизм является новым уровнем в эволюции человечества или, точнее говоря, таким социальным образованием, которое предполагает в качестве условия бытия более низкий слой человечества. Это проявилось в том, что почти все западные страны либо создавали мировые империи под своим господством, либо предпринимали попытки к этому, либо предпринимали попытки превратить в свои подчиненные территории своих соседей. Самой значительной империей такого рода была Британская, которая была пионером в развитии западнизма. И это не случайно. Самыми значительными попытками создания империй в рамках Европы были завоевательные войны Наполеона в начале XIX века и Гитлера в середине XX века. В критической литературе обычно употребляется термин «империализм» для обозначения этого аспекта истории западных стран. Этот термин приобрел сугубо негативное значение. Кроме того, он скрывает смешение различных явлений, а именно – стремление к образованию империй по причинам и мотивам, не имеющим никакого отношения к западнизму (Римская империя, Византия, Австро-Венгерская империя и т. п.), и стремление феномена западнизма к «вертикальному» структурированию человечества, к утверждению себя в качестве социального феномена более высокого уровня.

В этот период обнаружилась и тенденция западных стран к объединению. Она проявилась в образовании всякого рода коалиций стран, главным образом – в военных и торговых целях. Такими были, например, коалиция стран Антанты в Первую мировую войну, а также стран гитлеровского блока и антигитлеровского блока во Вторую мировую войну.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, начался новый период в истории Запада. Западное общество достигло степени социальной зрелости. Оно стало обществом всеобъемлющего западнизма. Запад одержал крупнейшую в его истории победу над своим эпохальным врагом – над коммунистическим миром. Определилась стратегия Запада в отношении прочего мира. Началась интенсивная интеграция западных стран в единое социальное целое. Заявила о себе сильнейшая тенденция к образованию глобального общества на основе западнизма и во главе с Западом. Излагаемое в этом очерке понимание Запада сложилось у меня на основе наблюдения его в том виде, какой он принял в этот период.

Основные источники и аспекты западнизма

Было бы ошибочно выводить западнизм из какого-то одного источника. Он формировался по многим линиям, вырос из различных источников, которые, сливаясь и переплетаясь, создавали единый мощный исторический поток, ломавший на своем пути все преграды и увлекавший их обломки с собой. Эти источники разнокачественны не в смысле степени важности, а в смысле типа сыгранной ими роли.

Как на Западе, так и в других странах бытует убеждение, будто западное общество всеми своими положительными достижениями обязано частной собственности и капитализму. До сих пор еще живо и противоположное мнение, которое в XIX веке и в первой половине XX века владело умами многих миллионов людей на планете, будто частная собственность и капитализм являются источником всех зол. Это второе убеждение успешно конкурировало с первым в течение целого столетия. Лишь во второй половине XX века его влияние пошло на спад и почти заглохло к концу века. Зато первое убеждение заявило о себе с полной откровенностью.

Я утверждаю, что как то, так и другое убеждение ложно. Я не отвергаю роли капитализма в истории и структуре Запада. Но я утверждаю, что есть нечто более глубокое и широкое в западном обществе, что является основой и для самого капитализма. Это нечто есть западнизм. Развившись на основе западнизма, капитализм овладел обществом и подчинил себе само это явление западнизма, став его органическим элементом. Достигнув вершины своего развития, капитализм вернулся к своей основе на более высоком уровне, превратившись в западнизм как таковой.

В жизни каждого взрослого и трудоспособного человека, групп таких людей и общества в целом можно различить два аспекта – деловой и коммунальный. В деловом аспекте люди действуют и вступают в какие-то отношения друг с другом в зависимости от того, что они должны заниматься каким-то делом, необходимым им для приобретения средств удовлетворения своих жизненных потребностей. Важнейшим делом общества является создание и циркулирование материальных ценностей. Но делом может быть и создание культурных ценностей, и бытовое обслуживание людей, и создание средств развлечения. В коммунальном аспекте люди вынуждены совершать поступки и вступать во взаимные отношения в зависимости от самого того факта, что их очень много и что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение.

Эти аспекты неразрывно связаны между собою. Разделить их можно лишь в абстракции. Тем не менее они различны. Чтобы представить себе деловой аспект как таковой в отличие от коммунального, надо взять в качестве поясняющих примеров такие случаи, когда на действия и поведение людей не влияет ничто, кроме интересов дела. Такие случаи обычны и очевидны. А чтобы представить себе коммунальный аспект в «чистом» виде, надо выбрать в качестве примеров случаи, когда люди умышленно совершают поступки, затрагивающие интересы и влияющие на жизненные позиции других людей. В современном развитом западном обществе примером различения делового и коммунального аспектов может служить различие предприятий, на которых изготавливаются предметы потребления, с одной стороны, и учреждений власти, с другой стороны.

Роль этих аспектов в жизни людей может быть различной в смысле их важности. Бывает, что один из них становится доминирующим, подчиняет себе другой и даже заглушает другой. Причем это доминирование может стать привычным образом жизни людей. Я утверждаю, что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и тем его типом, который развился в Советском Союзе после революции 1917 года и в ряде других стран (Китай, Вьетнам, страны Восточной Европы до восьмидесятых годов) и который я называю коммунистическим. Употреблять

в отношении общества западного типа термин «капиталистическое» я воздерживаюсь по причинам, о которых уже говорил выше.

Каждый из рассматриваемых аспектов имеет свои общие правила. Самые фундаментальные из них просты и в какой-то мере общеизвестны или известны по крайней мере значительной части членов общества. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна – люди не смогли бы заниматься делами, обеспечивающими их всем необходимым для жизни, и не смогли бы объединяться в большие группы и целые общества. Более сложные правила вырабатываются какими-то небольшими группами людей, специально занятых этим делом, навязываются всем прочим людям и поддерживаются тоже людьми особой категории. Люди фактически живут в обществе по этим правилам и по необходимости осознают их.

Но осознание этих правил и практическое овладение ими не есть еще осознание их как правил, выражающих социальные законы. Здесь положение подобно тому, как люди научаются считаться с законами природы, не имея о них никакого понятия. Здесь сознание играет роль средства выработки навыков поведения, но не средства познания лежащих в их основе объективных законов бытия.

И третий источник и аспект западнизма образует то, что я называю человеческим фактором. Прежде чем приступить к детальному рассмотрению названных источников и аспектов западнизма, скажу кратко о каждом из них в общей форме.

Деловой аспект

Именно в первом (деловом) аспекте прежде всего зародились семена или первичные клеточки будущего западнизма.

Сначала это были отдельные индивиды и небольшие деловые группки, функционировавшие главным образом не по законам коммунальности, а по законам дела. При этом, естественно, получил преимущества тот, кто лучше делал и организовывал дело. Такие группки появлялись в большом числе в самых различных местах планеты, главным образом – в Западной Европе. Начался длительный процесс их борьбы за существование, отбор наиболее жизнеспособных. Соответственно начался отбор и поощрение человеческих качеств и обладавших ими людей, лучше других действовавших в интересах таких групп. А в самих группах складывалось определенное отношение к таким качествам и людям, делавшее всех участников дела зародышем будущего народа с этими качествами. Число групп такого рода росло. Росли их размеры, и они дифференцировались. И наоборот, мелкие группки объединялись в более сложные. Усиливалась их роль в обществе, росло слияние на окружение. В них проникали внешние влияния, и они сами проникали вовне. Короче говоря, шел сложнейший исторический процесс со всеми логически мыслимыми вариантами и возможностями.

Естественными исходными группами рассматриваемого типа были группы семейные. Они объединялись в артели или корпорации, а последние образовывали более или менее многочисленные общины, целые районы, коммуны, города. Эти группы занимались не любым делом, но делом исключительным, требовавшим сравнительно высокого уровня способностей, интеллекта, квалификации. Делом, которое могли выполнять сравнительно немногие мастера. Подлинными родоначальниками будущего высокоразвитого западного индустриального общества были безвестные труженики-мастеровые, а не накопители сокровищ, ростовщики и спекулянты. Правда, со временем положение людей в обществе переменилось в силу общего закона эволюции, по которому плодами усилий тружеников-первооткрывателей пользуются ничтожество и паразиты.

Хочу особое внимание обратить на такие черты рассматриваемого процесса. Первая – упомянутые группы возникали не изолированно от общества вроде первобытных племен, а уже в достаточно развитых человеческих объединениях. Очень важно помнить об этом обстоятельстве: западнизм зародился в человеческой среде с самого начала как явление вторичное, можно сказать – более высокого уровня сравнительно с тем, что уже существовало. Сначала эта вторичность не была заметна и не выглядела как более высокий уровень живого. Это стало ясно лишь много веков спустя. Есть общий социальный закон: все по-настоящему великое впервые появляется на арене истории сначала бесшумно. Так появился, по словам Тейяра де Шардена, и сам человек вообще. Когда он зародился, никто не мог бы заподозрить, что из этой вертлявой твари вырастет венец творения. А когда человек стал тем, что он есть, уже никто не может проследить кончики его корней в животном мире в прошлом. Со временем процесс как бы углубился в более низкий слой истории человечества, охватив не только исключительные, но и обычные формы деятельности, став всеобщим образцом. Но «точка роста» нового социального феномена все равно оставалась острием стрелы, устремленной в будущее.

Вторая черта процесса заключается в том, что носителями рассмотренной западной ориентации были люди, которые были благодаря тем или иным обстоятельствам социально свободными, то есть не вовлеченными в феодальные отношения тех времен. Они были фактически свободны в том смысле, в каком люди стали впоследствии свободными и юридически. Не надо переносить на прошлое понятие свободы личности, уместное в отношении уже ставшего западнизма. Люди тогда были свободны лишь в той мере, чтобы создавать нефеодальные деловые группы (общины), и не более того. Но для начала этого было достаточно. Западнизм

вырастал не как модификация феодальных отношений людей и не из них, а вне их, независимо от них, хотя и в одном социальном пространстве с ними, но рядом с ними. Он вырастал в порах феодального общества, на свободных (относительно, конечно) местах. Он разрушал феодальные отношения, оттеснял их и, становясь сильнее, включал их в себя, трансформируя их на свой манер. Но он с самого начала был нефеодален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.